

асфальт евгений
гришковец

Евгений Валерьевич Гришковец

Асфальт

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165719
Асфальт: Махаон; Москва; 2010
ISBN 978-5-389-00163-3

Аннотация

«...Я знаю так много умных, сильных, трудолюбивых людей, которые очень сложно живут, которые страдают от одиночества или страдают от неразделённой любви, которые запутались, которые, не желая того, мучают своих близких и сами мучаются. То есть людей, у которых нет внешнего врага, но которые живут очень непросто. Но продолжают жить и продолжают переживать, желать счастья, мучиться, влюбляться, разочаровываться и опять на что-то надеяться. Вот такие люди меня интересуют. Я, наверное, сам такой» (Е. Гришковец).

Евгений Гришковец Асфальт

Друзья!
Хороших Вам
Книг!
Находите время для
чтения...
Гришковец

– Ну и что?!

– Как ну и что?! Миша, родной! Он же законченный, понимаешь, законченный подлец! Он же гнилой насквозь! С ним не то что здороваться...

– Ну и что? Зато он умеет себя вести.

Последние несколько месяцев он часто вспоминал этот разговор. Даже не сам разговор, а свою фразу: «Зато он умеет себя вести». Тогда вышел спор, он в том споре оказался в меньшинстве, точнее, он спорил со всеми, а ещё точнее, все спорили с ним. Это был не дружеский, а скорее деловой спор. Остро обсуждали деловые и человеческие качества одного человека. Тогда-то он и сказал: «Зато он умеет себя вести». И последние несколько месяцев эта фраза часто ему вспоминалась.

Он вдруг понял, что сказал эту фразу вполне искренне. Понял, что умение себя вести в том человеке, о котором тогда шла речь, ему важнее всего остального. А ещё он понял, что всё остальное в том человеке его просто не волнует и не интересует. Он удивился, потому что раньше его интересовало в людях именно всё остальное.

Он понял, что с какого-то момента его стали больше устраивать и даже радовать те люди, которые просто умели себя хорошо вести. Такие вежливые, пунктуальные, не сокращающие дистанцию, немногословные; такие вот редкие, в общем-то, у нас люди. Какие у них там камни за пазухой и фиги в кармане – это их дело. Но вот вовремя пришёл, сказал всё

только по делу, улыбнулся, попрощался и ушёл, даже раньше намеченного, – значит, приятный и, скорее всего, умный человек. С такими хотелось сотрудничать и даже общаться.

Он только никак не мог вспомнить, когда и как с ним такое произошло. Когда ему перестали быть необходимыми импульсивные и искренние проявления характера и чувств и как случилось то, что ему, по совести, стало не очень важно, как к нему относятся коллеги, приятели, соседи, сограждане, руководители города и страны. Лишь бы хорошо себя вели. Он не мог вспомнить, как и когда с ним произошло такое изменение.

Что-то происходило с ним, потом случился тот самый спор, во время которого он сказал ту самую фразу, и тогда он обнаружил в себе такие серьёзные изменения. Он слегка удивился такому открытию и скорее обрадовался ему. Ему показалось, что он наконец-то повзрослел к своим тридцати семи годам и наконец-то стал ещё лучше разбираться в людях. Он даже поменял свой способ и стиль общения и, как ему показалось, сам стал хорошо себя вести.

* * *

– Не знаю, не знаю, дружище. Мне кажется, ты куда-то клонишь, только я не пойму куда, – морща губы и низко склонившись над столом, говорил старинный Мишин приятель Стёпа, которого все друзья и приятели называли Сёпа. – Я тебе про одно, а ты мне что-то совсем другое пытаешься втолковать.

– Правильно. Потому что ты меня не слышишь и даже не пытаешься услышать, – спокойно, откинувшись на спинку стула и отодвинувшись от стола, ответил Миша.

Этот разговор состоялся у них пару недель назад, и Миша тоже его вспоминал. Ему понравилось, как удачно он сформулировал свои разрозненные мысли последних месяцев и как красиво они влились в разговор. Он запомнил свои формулировки и даже успел их повторить в других компаниях и беседах.

А тогда они сидели со Стёпой и Сергеем, тоже старинным приятелем, после того как позанимались в спортзале, немного погрелись в сауне и приняли душ. Сидели, пили какой-то мудрёный бесцветный и, конечно же, очень полезный для здоровья чай, разговаривали и страшно хотели курить, но терпели. Они уже пару лет почти стабильно ходили по вторникам и четвергам в спортзал, и у них выработался ритуал курить вместе после спорта, но только тогда, когда они вместе выходили на улицу. Они старались оттянуть этот момент, чтобы лучше почувствовать, как «цепляет» первая после спорта сигарета. Вообще-то они давно пытались бросить курить, то вместе, за компанию, то врозь, то на спор. Но в тот раз они сидели, пили чай, сильно хотели курить, и у них зашёл разговор о летнем отдыхе и о том, что можно считать отдыхом.

– Почему не слышу? Я не глухой, я всё слышу! – препирался Стёпа.

– Сёпа, Сёпа! Не веди себя как маленький, – вступил наконец в разговор Серёга. – Миша же не спорит с тобой, что нужно отдыхать, как и где нравится. Мишань, я переведу ему с твоего языка на человеческий то, что, как я понял, ты хотел сказать? Можно?

– Попробуй, – усмехнулся Миша, – но я и сам тогда послушаю, мне интересно, в чём же разница.

– Послушайте, братцы, я не идиот, – возмущённо отстранившись от стола, сказал Стёпа, – я всё понял. И, кстати, я отлично запомнил с детства, что о присутствующих говорить в третьем лице – это невежливо. Это свинство, Серёжа! Миша, можно я переведу ему, чтобы он понял? – ломая язык, передразнил Сергея Стёпа.

– Ты, конечно, всё отлично понимаешь! – заулыбался Сергей. – Всё! И всех! Кроме Миши. Ты же сам это знаешь, дружище!

– Ладно, давайте, делайте из меня идиота. Это ваша любимая песня, – сказал Стёпа и громко отхлебнул чай из чашки.

Миша был знаком с Сергеем и Стёпой давно. Они не учились вместе ни в школе, ни в студенчестве. Никогда вместе не работали. Просто как-то давно познакомились и приятельствовались, периодически доходя до дружбы. Сергей был помладше Миши года на три, а Стёпе исполнилось сорок четыре.

Стёпа уже много лет безрезультатно худел. Всех знакомых, которых он не видел больше двух недель, он встречал словами: «Ой, как ты похудел(ла)». Или наоборот: «Ой, ты что поправился(лась), что ли?» Стёпа сороковой свой день рождения отмечать не хотел, но в итоге отметил его очень бурно. На следующий же день после того дня рождения он стал к себе внимательно прислушиваться в поисках признаков сорокалетнего кризиса. Он стал внимательнее относиться к своему здоровью и иногда впадал в панику из-за лёгкого отёка ног или болей в пояснице. Стёпу звали Сёпой ещё до того, как Миша с ним познакомился. И это сокращение очень ему шло. Стёпа даже не пытался возражать. Толстый, большой Стёпа всегда сопел носом, громко ел и, смеясь, всегда похрюкивал.

Он очень завидовал Сергею. Завидовал тому, что тот мог есть что угодно и сколько угодно, но был тощим, костистым и жилистым. Про таких говорят: «Не в коня корм». И ещё Стёпа частенько говорил Сергею, поднимая указательный палец вверх: «Погоди, погоди! Вот стукнет тебе сорок лет, вот тогда мы на тебя посмотрим, вот тогда ты запляшешь по-другому».

Стёпа последние три года тратил много денег на то, что ездил по каким-то экзотическим странам, чтобы там ознакомиться с экзотическими методами медицины. Он всё про это знал, особенно то, что касалось похудения и укрепления потенции. Он привозил отовсюду какие-то настои в бутылках, в которых плавали разные корни, или дохлые змеи, или всё вместе. Привозил чаи, мази, порошки, любил про это поговорить, потом ехал в другую страну, привозил что-то другое, и так уже три последних года. У Стёпы было два зоомагазина и маленькая ветеринарная клиника. Он слыл отличным специалистом, страшно любил животных и свою работу. Все его приятели только и делали что удивлялись, как он мог увлечься всякими шарлатанскими идеями. А главное, все жалели тех денег, которые он с таким трудом зарабатывал и при этом тратил на всякую, по их мнению, дрянь.

А Сергей легко и успешно продавал автомобили, расширял свой бизнес, зарабатывал много и без видимого напряжения. Он, в отличие от Миши и Стёпы, никогда женат не был, детей никогда не имел. Сергей увлекался всеми видами экстремального спорта и, казалось, во всех морях нырнул, на все горы забрался, а потом скатился с них на лыжах.

– Так вот, Сёпа, дорогой! Миша говорил, что отдыхать «вообще» невозможно. Нужно отдыхать от чего-то. Понимаешь? И если хорошо и отчётливо понять, отчего ты устал, то можно более эффективно отдохнуть. Правильно я, Миша, тебя понял? – медленно и слегка растягивая слова, как для детей, сказал Сергей.

– Да. В целом правильно, – не меняя позы, сказал Миша. – И это касается всего, дорогой Сёпа! Лечиться «вообще», от всего на свете и сразу, тоже невозможно. Хотя я и не специалист, но уверен, что это так.

– Да понял я это! – махнул на обоих рукой Стёпа. – И понял твой намёк на меня. Хорошо, я неправильно лечусь, я неправильно отдыхаю, я неправильно живу, я старый и толстый. Это я понял. А как тогда правильно? Вот ты, Серёжа, от чего отдыхаешь?

– А я не устаю, дорогой, – лениво ответил Сергей.

– Молодец! – сморщившись, покосился на него Стёпа. – Это в смысле: как расслабиться? А надо не напрягаться! С тобой понятно. С тобой после твоих сорока поговорим. А ты Миша, ты от чего отдыхаешь? И следующий мой вопрос – как?

– Я уже давно, Сёпа, дружище, устаю и отдыхаю только от людей.

Возникла небольшая пауза.

– Не рано ли, Мишенька, ты начал уставать от людей? – серьёзно и медленно спросил Стёпа.

– Ну ты-то, Сёпа, с животными общаешься, тебе от людей уставать некогда, – усмехнулся Сергей. – А где же, Миша, можно от людей-то отдохнуть? Сейчас кругом люди. Даже на каждой горе хотя бы парочка да сидит. Морские прогулки ты не любишь. В пустыне? В тундре? Миша, не смей меня. Ты же без цивилизации и дня не протянешь, не сможешь ты без людей. В этом смысле я тебя отлично знаю.

– Конечно! – спокойно ответил Миша. – Ты всё отлично знаешь! Все друг про друга всё знают и понимают. Все такие знатоки! – Миша покачал головой и замолчал на несколько секунд. – Все у нас такие знатоки людей, куда там! Знаете, братцы, а ведь и я тоже, как мне кажется, хотя я практически в этом уверен, всё про вас понимаю и знаю. Вот такие мы здесь умные и тонкие. Так как раз я и хочу отдохнуть от таких вот знатоков и от своих знаний.

– И где же можно от нас отдохнуть? – всё так же серьёзно спросил Стёпа.

– Там, где нас нет, – усмехнулся Сергей.

– Точно! – кивнул Миша. – В самую точку. И тут всё очень просто. Мне ни к чему лезть в горы или ехать к морю. Мне нужно только одно – оказаться среди людей, которые меня не знают. Но, что ещё важнее, чтобы рядом не было людей, которых знаю я, – он снова сделал паузу. – Я не имею в виду знакомых людей, а имею в виду людей, которые, как мне кажется, мне понятны. А у моря от таких не спрячешься. К какому морю ни поедешь, там уже их много. И с первого же взгляда я вижу, что это как раз те люди, от которых я хотел отдохнуть, а со второго взгляда уже видно, приблизительно из какого города он приехал, чем приблизительно занимается, сколько приблизительно зарабатывает или хочет зарабатывать, и точно видно, с подружкой, с женой или с любовницей он приехал. А ещё видно, чего от него в случае знакомства или общения можно ожидать. Да, к тому же, я не люблю пляжный отдых. – Миша отхлебнул остывшего уже чая. – Не могу я получить удовольствия от лежания на пляже, регулярной еды и сна. Может быть, ещё молодой? А, Сёпа, молод, может, ещё? – Он подмигнул Стёпе. – Я лучше вырвусь на недельку куда-нибудь в Европу, в любую столицу, но лучше в какой-нибудь Копенгаген или Брюссель. А совсем хорошо, в Лондон, Берлин или Париж. Я, братцы, люблю города. Мне эти пляжи или сонные горные курорты пока непонятны. И вот там я отдыхаю от людей среди людей.

– Ну и сволочь же ты, Миша! – добродушно сказал Стёпа. – Так ты, значит, нас всех здесь любишь, да?

– Сёпа, дорогой, дослушай. Ладно? – Миша улыбнулся вполне снисходительно. – Здесь я многих люблю, кого-то не люблю, без кого, как без вас, долго не могу. И конечно, наши люди самые весёлые, искренние, щедрые, открытые, а наши женщины самые красивые и добрые. Мы вообще лучше всех. Но зато там люди умеют себя вести. Они меня знать не знают, но говорят мне «доброе утро» и улыбаются. Всегда! Конечно, это ничего не значит, и это просто обычное для них дело. Но меня это устраивает. Я зашёл там пару раз в одно кафе, меня на третий раз узнают, и будут мне рады. Пусть не очень сильно рады, пусть даже они подумают, что я дурак, или вообще обо мне ничего не подумают. Но я же этого не знаю. А они этого не скажут, никак не покажут и даже не намекнут. И, кстати, если вдруг я им очень понравлюсь, они всё равно будут вести себя так же, в душу не полезут, души в объятиях не станут. Они умеют себя вести. Продавцы там умеют продавать, полицейские быть строгими, но не хамами, повара умеют готовить, а музыканты умеют играть музыку. Не больше того, но и не меньше. А главное, всё-таки не больше того. И там бывают исключения, но редко. И мне так это нравится. Я не понимаю их, я не знаю толком, как они живут и зачем, я не понимаю, о чём они говорят и о чём пишут их газеты. Братцы, я их даже не люблю, они мне просто нравятся. Они умеют себя вести. Я среди них отдыхаю. Отдыхаю от той самой бесконечной некомпетентности по всем вопросам и всем направлениям, от искренних, честных, щедрых

и открытых некомпетентных разговоров о том, о чём у говорящих есть много эмоций, но нет ни малейшего представления. А ещё я отдыхаю от неправильного поведения. Я, ребята, не говорю, что у нас тут все себя плохо ведут. Не плохо! А просто не так. Не так, как надо. И надо даже не мне, а вообще не надо. Никому не надо. Прежде всего им самим не надо. И получается, что еду я за хорошим поведением. Вот и весь мой отдых. Мне пока нравится так.

– Ну, знаешь, если ты так устаёшь от нашего поведения, – прищурившись, сказал Стёпа, – а ещё, если тебе нравится, чтобы люди хорошо себя вели, а ты бы их при этом не понимал, езжай тогда лучше в Пекин, Гонконг или Сингапур какой-нибудь. Там тебе и города, и хорошее поведение, и вообще, ни черта не поймёшь.

– Ну нет, Сёпа, я всё-таки ещё не настолько устал от лю дей, чтобы ехать в Пекин, – сказал Миша и засмеялся.

Потом они стояли на улице и с удовольствием курили ту самую сигарету.

* * *

Почти весь сентябрь было тепло, но дождливо и пасмурно. Лето тоже было дождливым, с короткими приступами душной жары. Но в конце сентября налетели ветры, и октябрь пришёл ясным, солнечным и прозрачным. Золотой листвы было полно, как на деревьях, так и на улицах. Осень стояла самая лучшая, какую только можно было пожелать в Москве.

Миша называл такую погоду в это время года: «самая элегантная погода». Он очень любил середину осени в погожие, сухие дни. Это было редкое время, когда можно было одеваться красиво. Редко в Москве можно было носить тонкое пальто и любимые туфли. Летом было жарко или дождливо, так что элегантным не походишь, а потом как-то сразу – раз и зима, и тоже не до элегантности и не до прогулок. А Миша любил прогуляться, если было на то время и если позволяла погода. Под дождём и с зонтом – это было не то, а в шапке по снегу и в мороз – тем более. К тому же именно летом у Миши было совсем много работы, а зимой, когда свободного времени у него становилось больше, он старался ездить куда-нибудь туда, где климат и погода были как раз «элегантными». Там он гулял и отдыхал, как любил. Ещё ему нравилось не совпадать с общим временем и способом отдыха. А хорошая осень ему нравилась и в Москве. В такие погожие осенние дни ему казалось, что у него всё особенно хорошо получается и всё прекрасно удаётся.

А ещё ему очень нравилось осенью слетать по делам куда-нибудь на Север или за Урал. Там можно было застать даже снег или насмотреться на голые деревья. Люди там уже переодевались в зимнее, и многие носили шапки. Ему приятно было вернуться в Москву и увидеть высокое, синее, осеннее небо, быстрые, яркие закаты и холодные октябрьские вечера. Это было время, когда ему удавалось особенно сильно и без сомнений любить Москву и даже в Москве быть собранным и спокойным.

Миша занимался редким и необычным делом. Ему его дело нравилось, и он с гордостью сообщал о том, кем работает и что делает, новым знакомым или тем, кто интересовался. Ему приятно было видеть их удивление и любопытство. А удивлялись почти все. Миша изготавливал дорожные знаки. У него была фирма и небольшой, скажем, заводик по производству дорожных знаков. Любых дорожных знаков: от обычных и привычных глазу круглых, треугольных и квадратных до огромных, которые устанавливаются на федеральных трассах и на которых есть названия городов и расстояния до них.

Миша уже больше десяти лет занимался этим и знал про знаки всё. А ещё он гордился тем, что когда-то ему пришла идея заняться таким необычным и редким делом. Он помнил, как эта идея пришла к нему, оказалась для него счастливой и изменила его жизнь.

* * *

А он всегда любил рисовать. В детстве он ходил в музыкальную школу, учился играть на фортепиано, но всё время хотел рисовать. Потом он, вопреки желанию родителей, поступил в художественное училище, но его не закончил. Поучился два года и бросил. Там он понял, что он любит рисовать, но не до такой же степени, чтобы делать это постоянно и только это. А в училище надо было рисовать и рисовать, к тому же совсем не то, что хочется. В училище он догадался, что таким вот рисованием ему и придётся заниматься всю жизнь. Рисовать всю жизнь то, что не хочется, он не желал, но и разобраться, что же именно хочется ему рисовать, тоже не смог. Вот и бросил. Ему не хотелось рисовать унылые северные пейзажи. А учили его в училище в основном этому, потому что Миша родился и вырос в Архангельске. Он всё детство любил Архангельск, с гордостью говорил всем иногородним родственникам или когда бывал с родителями где-нибудь, что он архангелогородец, а никак не иначе, не архангелец и не архангельчанин. Ему нравилась тёмная и жуткая река Северная Двина. Но за время учёбы в училище ему опостылело её рисовать. Он бросил училище, помыкался и помаялся в родном городе, и его отец, по своим старым московским связям, помог Мише поступить в Москве в транспортный институт и как-то устроиться. Быть студентом в Москве Мише понравилось сразу. Ему было безразлично, на кого учиться, а учился он на инженера. Институт он не закончил. Дотянул до середины третьего курса и не увидел смысла продолжать. Почти сразу в Москве он познакомился с ребятами, которые, узнав, что он довольно грамотный музыкант, позвали его играть с ними музыку.

* * *

Ребята ему понравились больше, чем их музыка, а потом понравилась и музыка. Но главное, он попал в мир таких людей, к которым всегда хотел попасть. И их способ существования и жизни ему тоже понравился. Они играли разнообразную музыку: от регги до мудрёных баллад собственного сочинения. Ребят было то четверо, то шестеро, то трое, но всегда была одна девчонка-певица из музыкального училища, которая скорее не пела, а всем помогала, содержала репетиционное пространство в мало-мальском порядке, создавала атмосферу разнополого мира и постоянно приводила на репетиции разных своих подруг, тем и была необходима. Название группы постоянно менялось, музыкальные направления группы тоже. Миша с радостью принял такую жизнь, его посадили за клавиши, но он быстро освоил другие инструменты, стал сочинять музыку и автоматически стихи.

Третий курс учёбы ему давался с трудом, и он бросил своё студенчество окончательно. Больше года он скрывал этот факт от родителей, а потом сообщил им правду. Он не боялся их гнева, потому что уже работал, не нуждался в помощи и полагал, что сможет убедительно объяснить родителям, что не пропадёт в этой жизни, не скатится и всё, что ему надо было получить от образования, он уже получил. К тому же в Архангельск он возвращаться был не намерен. Он моментально стал столичным жителем и с трудом вспоминал себя жителем Архангельска.

* * *

Шесть дней назад около восьми утра Миша сидел на работе в своём кабинете. Он любил и довольно часто приезжал в свой офис раньше всех. Ему приятно было посидеть в тишине, поймать хотя бы минут двадцать спокойствия, пока не зазвонили телефоны, не

захлопали двери, не застучали шаги и не зашумели голоса. В такие минуты он мог читать что-нибудь, или просто обдумать какую-то мысль, или делать и то и другое вместе. Он любил эти минуты особенно сильно в последнее время. Его работа не была связана с ежедневным и регулярным пребыванием в офисе. Наоборот, он редко проводил в офисе целый день. Он много мотался по дальним и ближним городам и регионам страны или мотался по Москве. Ему это раньше нравилось. Потом стало надоедать, и он начал направлять в регионы кого-нибудь, сам же выезжал куда-нибудь только в случае необходимости именно его присутствия и когда вопрос нужно было решать самому. Тогда-то он и полюбил приезжать на работу раньше всех.

* * *

Около восьми он сидел в своём кабинете, включил маленькую настольную лампу и получал удовольствие от того, что без всякого удовольствия и даже с трудом читал «Великого Гетсби» Фицджеральда. Он читал этот совсем небольшой роман уже вторую неделю. Читал, удивлялся и пытался понять, что в этой книге так нравилось всем тем, кто ему её рекомендовал прочесть в течение многих лет, за что этот роман вошёл в мировую литературу и с какой стати его называли культовым. Он с трудом продирался сквозь длинные, многословные диалоги, описания одежды и всех поз всех главных и второстепенных героев, сквозь бесконечные интерьеры. Всё ему казалось необязательным, и книжка казалась необязательной, но он обязательно хотел её дочитать из азарта преодоления трудностей, из желания всё же понять, почему читающие люди охают при звуко сочетании «Фитцджеральд».

И тут ему позвонили. Позвонили на мобильный. Он слегка удивился и приподнял бровь. В такой час ему обычно не звонили. Он подумал, что, может быть, это жена, Аня, что-нибудь вспомнила или, наоборот, забыла. Но звонила не она.

– Миша, дорогой, – услышал он голос, – это Володя, я тебя не разбудил?

– Вова! Здорово! – обрадовался Миша. – Доброе утро! Не разбудил, не разбудил. Я уже на работе, а ты почему так рано?

– Миша, Миша, прости! Я тебя перебью сразу, ладно?! – Миша услышал, что голос в трубке совсем неживой и Володя как-то тянет слова.

– Володя, что с тобой?

– Со мной ничего. А вот Юля умерла, – на последних словах голос в трубке дрогнул и стал совсем сдавленным.

– Как умерла... Когда... Вова, что ты говоришь такое?..

– Повесилась. Сегодня ночью. Вот такие дела! – Володя зарыдал.

– Я сейчас приеду. Ты где?

– Дома, Миша. Дома, у Юли дома. Приезжай, родной! Пожалуйста.

– А Юля где?

– Не бойся, Миша. Её уже увезли санитары... Я тут один со следователем. Я устал. Миша, прости, но...

– Володя, а как?.. Хотя, ладно! Выезжаю. Я мигом.

* * *

Юля появилась в Мишиной жизни давным-давно. Она была старшей сестрой Володи, с которым Миша познакомился тоже давным-давно. Миша с Володей вместе учились в транспортном институте, и именно Володя позвал Мишу вместе играть музыку. Когда Миша бросил учёбу и решил не возвращаться в Архангельск, ему стало негде жить. В студенческом общежитии ему было отказано, а на то, чтобы снимать квартиру, не хватало денег. Тогда-

то Володя и приютил Мишу у себя. Они с Володей тогда сильно дружили и вместе писали музыку. А жил Володя в большой профессорской квартире на Кутузовском проспекте. Жил со своей родной сестрой Юлей, которая была его старше на двенадцать лет. У Володи и Юли был один отец, а матери были разные. Отец их, когда-то крупный учёный, а потом функционер от науки, был уже совсем старенький и давно поселился где-то в Рязанской области в местах, описанных когда-то Паустовским.

Профессорская квартира была большая, вся заставленная старой мебелью, книжными полками, завешанная картинами и фотографиями в рамках. Такая хрестоматийная профессорская квартира. Мише была выделена отдельная комната. Как выяснилось, Володя рассказал дома про мытарства своего друга Миши, и именно Юля предложила позвать Мишу пожить у них. Юля очень скоро и надолго стала одним из самых важных людей в Мишиной жизни.

Она стала первым в его жизни старшим товарищем. Не совсем старшим, а просто безусловно мудрым, сильным, спокойным и житейски рассудительным, причём по всем вопросам. Она помогла Мише избежать кучи ошибок, помогла разобраться во многих сомнениях, поддержала во всех важнейших решениях, пару раз уберегла от серьёзных трагедий и даже дала несколько, как выяснилось позже, бесценных советов.

Сколько Миша Юлю знал, она, казалось, совершенно внешне не менялась. Высокая, худая, некрасивая, с низким голосом, прямыми длинными волосами, вечно собранными на затылке в узел. Всегда она была одета в какие-то кофты, длинные юбки или какие-то широкие пиджаки и брюки. Никаких каблучков никогда. И вечная сигарета во рту. Мужа у неё никогда не было, детей тоже. Был какое-то время друг, скандинавский импозантный пожилой профессор, чертовски высокого роста. Встречались они несколько лет. Виделись, конечно, редко, когда тот приезжал в Москву. Пару раз Юля ездила к нему. Внешне во время этой дружбы Юля не изменилась, только была веселее и рассеяннее обычного. Из всех возможных женских украшений Юля носила только маленькие золотые серёжки в виде наивных цветочков и тоненькое колечко на среднем пальце левой руки. Колечко было старое, тонюсенькое и с маленьким красным камешком.

Юля, сколько Миша её знал, работала в Министерстве здравоохранения. Всегда у неё была какая-то ответственная должность. Юля медленно, но верно росла по службе, и её должность становилась всё более и более ответственной. У неё было ну очень много знакомых! Число этих знакомых постоянно увеличивалось. Юля всем и постоянно помогала. Дома она подолгу говорила по телефону и всё устраивала каких-то детей к хорошим врачам или каких-то стариков в хорошие клиники. Все Юлю любили. Всем она была нужна.

* * *

Миша спускался по лестнице и выбегал из офисного здания, не в силах ни поверить, ни принять то, что услышал. Если бы он мог увидеть себя со стороны, то он увидел бы человека с побелевшими, сильно сжатыми губами и с широко раскрытыми немигающими глазами. Но, ещё не добежав до машины, он успел подумать, что дня три будет вырван из рабочей жизни, и решил, кого нужно об этом предупредить.

Он сел в машину и сорвался с места. Он пытался спешить, но утренние пробки не давали ехать быстро. И он понял, что даже этому рад. Он не знал, как он войдёт в Юлину квартиру и что и как будет говорить. Страшная новость накрыла его, но горе – ещё нет, осознание ещё не пришло. Он только пытался вспомнить, когда в последний раз видел Юлю. Вспомнил, что это было в июне. «Давно!» – подумал он. Тогда он забыл её поздравить с днём рождения и приехал к ней с запоздалыми поздравлениями и с бутылкой коньяку. Они посидели, выпили, поболтали и покурили на кухне. Ей исполнилось сорок девять. Вся квар-

тира была заставлена увядшими и поникшими за неделю букетами и ещё не распакованными подарками. Юля была как Юля. Ничего необычного он вспомнить не мог.

Ещё они созванивались в августе. Миша не мог вспомнить точно, когда именно. Юле нужен был чей-то номер телефона, она позвонила сама. Миша не знал того телефона, и они немного поболтали. И всё. Но они вообще не очень часто встречались в последнее время. Оба были заняты. Но Юля была всегда на месте, Миша, в общем-то, тоже.

Миша думал так, ехал, а потом очнулся от этих мыслей и понял, что машинально едет на Кутузовский, к тому самому дому, в ту самую профессорскую квартиру, где давно уже жил Володя с семейством. А Юля так же давно жила в небольшой квартирке на Яузе, куда она перевезла все книги, фотографии и самую ненужную старую мебель. Миша сообразил, что едет неправильно, и стал продумывать правильный маршрут.

* * *

Миша прожил в квартире на Кутузовском почти четыре года. Юля сразу его приняла и сделала всё, чтобы он чувствовал себя независимо, свободно и как дома. Что она для этого сделала? Да ничего! Она просто не проявляла излишней заботы о нём и не деликатничала. С первого же дня она, не стесняясь, вечером ходила при нём в ночной рубашке, а утром без церемоний и со словами «ты здесь не один» стучала в дверь ванной комнаты, где Миша умывался. Через дня три-четыре Миша, как и Володя, уже расхаживал по квартире вечером и утром в трусах и в тапочках. Единственно, он точно не решался подойти к холодильнику и что-нибудь там взять. Юля, видимо, это заметила.

– У немцев есть такая поговорка, – как-то день на пятый Мишиного пребывания в квартире на Кутузовском сказала Юля. – Они говорят, что гость, как рыба, начинает вонять на третий день. Но ты здесь не гость. Завтра я дам тебе ключи, и ты вообще будешь свободен. А на холодильнике замка нет, ключи не нужны. Он открывается и закрывается легко. Если чего-то хочешь, бери.

– Юля, я туда ещё ничего не положил, чтобы брать, – гордо ответил Миша.

– А у англичан есть такое понятие: высшее проявление дружбы – это наделение друга так называемыми «refrigerator rights», то есть правом доступа к холодильнику. Ты наделён таким правом, – строго закрыла тему Юля.

Юля знала чётко знает сколько всего. Она постоянно что-то читала. Если не говорила по телефону, не беседовала с Володиёй или Мишей, если была дома, то обязательно курила и читала книгу или газету. Еду она не готовила никогда. Правда, могла поджарить яйца или отварить сосиску. Зато кофе варила она много и часто, варила на газовой плите. Кофе у неё всегда сбегал, потому что она либо говорила по телефону, либо беседовала, либо читала.

* * *

На лестнице в подъезде было тихо. Лифт Миша не стал вызывать и забежал на третий этаж, быстро перескакивая две ступени. Его шаги громко ударяли ему же по ушам.

Дверь в Юлину квартиру была приоткрыта. Миша вошёл в маленькую прихожую, хотел по привычке разуться, даже нагнулся для этого, но тут же выпрямился и шагнул в комнату.

Там за круглым столом сидела невысокая полноватая женщина лет сорока и что-то быстро писала. Напротив неё, положив руки на стол, сидел Володя и смотрел на то, как быстро та пишет. У стены на стуле сидела ещё какая-то тётка в длинном халате. На ногах у тётки были тёплые носки и тапочки.

– Миша, ты уже! Ну, слава Богу! – поднимаясь из-за стола, сказал Володя. – Я так тебя ждал! Я ещё никому не звонил. И ей на работу тоже не звонил. Не знаю, что сказать. Заходи, Миша...

Володино лицо сильно опухло, его толстые губы стали ещё толще. Он вышел из-за стола навстречу Мише, буквально упал на него, они крепко обнялись, и Володя застонал и заплакал.

– Беда! Беда-то какая! – сказала тётка в халате. – Ну, я пойду уже. Я больше ничего не знаю. Я бы уже пошла.

– Да, конечно, можете идти, – ответила ей женщина из-за стола.

– А подписывать больше ничего не надо? – вставая, сказала тётка.

– Нет, больше ничего не надо, – не глядя на неё и продолжая писать, ответила женщина.

– Ну, тогда я пойду, – и она пошла, бормоча под нос: – Вот ведь что с собой удумала. Горе такое сделала. И чего не жилось? Многие и похуже...

Володя всё стоял, обняв Мишу, и никак не мог перестать вздрагивать. Миша похлопывал его по спине совсем тихонечко, молчал и не находил что сказать. Потом Володя отстранился, медленно вернулся к столу и сел на прежнее место в прежнюю позу. Миша так и остался стоять.

Вскоре пришёл какой-то человек. Он тоже был из милиции. Он отозвал ту женщину, что сидела за столом, на кухню, они о чём-то там вполголоса разговаривали минут пять. Миша стоял и молча осматривал комнату. Всё было как обычно, ничего не изменилось. Всё было на своих местах. Но ему очень хотелось немедленно оттуда уйти.

Потом женщина-следователь, а она была именно следователь, и тот мужчина вернулись в комнату. Мужчина увёл Володю на кухню, а женщина быстро порасспросила Мишу о том, кем он являлся «хозяйке квартиры» – так она назвала Юлю. Ещё она спросила, не встречался ли он с ней в последнее время, жаловалась ли она ему на что-то, были ли у неё финансовые проблемы, не знает ли он о каких-нибудь её врагах или недоброжелателях. Были ещё вопросы такого же рода. Но следователь ничего не записывала и задавала эти вопросы скорее формально.

Через какое-то время Миша с Володиёй остались вдвоём. Володя запер входную дверь, и наступила тишина. Невыносимая тишина.

– Давай покурим, а? – сказал Миша, чтобы нарушить тишину.

– Давай, – тихо ответил Володя.

Миша достал сигареты, и они пошли на кухню. На кухонном столе почему-то стояли горшки с цветами. Весь стол был заставлен ими. Миша поискал глазами пепельницу и увидел её на подоконнике. В пепельнице лежали окурки, штук пять-шесть, и рядом с пепельницей открытая пачка сигарет и зажигалка. А чуть в стороне от всего этого он увидел тоненькое колечко с красным камешком и Юлины маленькие серёжки.

– Володя, родной, – севшим в один миг голосом сказал Миша, – пойдём отсюда. Пойдём куда-нибудь, там и поговорим.

– Правда. Пойдём, – через короткую паузу ответил Володя.

Они покурили во дворе почти молча, сидя на скамейке. Наступал хороший, солнечный осенний день. Во дворе Миша понял, что забыл надеть пальто, когда убежал из офиса. Он курил и всё хотел спросить, а точнее, изнемогал от желания сказать: «Как это случилось? Как она смогла такое сделать? В чём причина такого ужаса?» То, что случилось, было неожиданным, непонятным и необъяснимым. Ему немедленно хотелось узнать подробности, чтобы понять причину или хотя бы узнать, что некая причина была. А ещё лучше было бы узнать, что всё это случайность, несчастный случай, роковая нелепость какая-нибудь, да хоть результат болезни, но только не то, что случилось на самом деле. Он хотел о многом спросить Володю. Но не мог нарушить молчания. И Володя не мог говорить. Было видно

по его взглядам, что он сам хочет многое сказать, но не может. Не может оттого, что устал говорить и плакать. Так они сидели и курили.

А потом завертелось. Нужно же было что-то решать в этой ситуации. Ни Миша, ни Володя серьёзного опыта в делах организации похорон не имели. Точнее, никакого такого опыта не имели.

Первым делом Миша позвонил жене, та сразу же заплакала и сказала, что немедленно приедет. Миша зачем-то согласился с этим. Володя в это же время звонил своей жене и снова плакал. Следом Миша позвонил почему-то Стёпе, который Юлю не знал, но зато знал кучу самого разнообразного народа. Стёпа отнёсся к проблеме очень внимательно и серьёзно, дал несколько дельных советов, пообещал помочь чем может. Ну и пошло-поехало. Не сговариваясь, Миша и Володя о причине Юлиной смерти никому ничего не говорили. Неожиданно умерла – и всё.

Мише много звонили по работе и прито так, он отвечал, что не может говорить, и просил перезвонить на следующий день или на следующей неделе. Володя попросил его не бросать, да Миша и не собирался. Они замёрзли на улице и некоторое время сидели в Мишиной машине. Вскоре приехала Володина жена Вика, и они снова поднялись в Юлину квартиру, а потом приехала и Аня, Мишина жена. Стало легче.

Вика плакала, много говорила, что она так и знала, что всё к этому идёт. Она вообще много говорила. Когда Миша хотел зайти в ванную комнату, Володя резко сказал: «Это было там». Миша отшатнулся от двери в ванную, и больше к этой двери никто не подходил.

Так прошло полдня в какой-то суете, телефонных разговорах и в душном ощущении горя и ужаса. Юле на работу по Володиной просьбе звонил Миша. Там уже знали. Следовательно успела туда позвонить. Там был шок, переполох и отчаяние. В итоге Мише удалось поговорить с каким-то внятным, по голосу весьма пожилым Юлиным коллегой, которого звали Борис Львович и который без эмоций сказал, что по поводу хорошего места на хорошем кладбище беспокоиться не стоит, это они возьмут на себя. Он сказал, что ещё целый ряд организационных вопросов они тоже решат. В том разговоре Борис Львович, помимо прочего, сказал, что Юля недавно взяла отпуск и последнюю неделю на работе не появлялась.

Около четырёх часов дня Володя выпил какое-то успокоительное и уснул на диване, совершенно измученный. Тогда Миша отправил Аню домой и сам решил отъехать куда-нибудь, потому что уже не мог находиться в Юлиной квартире. На кухню он больше не заходил. Он боялся снова увидеть пепельницу с окурками и колечко на подоконнике. Дверь в ванную ему казалась дверью, за которой находится полюс космического холода и тьмы. Он старался ничего не рассматривать и в той комнате с круглым столом, в которой все топтались, пока Володя не уснул.

А Володя уснул на спине. Его опухшие губы были приоткрыты. От того Володи, с которым Миша почти двадцать лет назад познакомился, осталось мало.

* * *

Когда Миша познакомился с Володей, Володя был весёлый, очень худой парень, с очень длинными тёмно-русыми волосами. Он на том курсе, на который поступил Миша, был одним из немногих настоящих москвичей. В основном все были приезжие. Как-то само собой получилось, что они познакомились и стали вместе играть музыку. Володя был в музыкальном коллективе главным. Во-первых, именно у него в гараже была репетиционная база, гараж был большой, кирпичный, с электричеством и без автомобиля. Даже зимой там было тепло. Володя здорово всё оборудовал. Во-вторых, вся звуковая аппаратура и большинство инструментов тоже были Володиные. В-третьих, Володя был очень активен, всё время что-то придумывал, очень много репетировал сам, постоянно сочинял стихи, причём в основном

на малоизвестном ему английском языке. И, в-четвёртых, у Володи был сильный и действительно красивый голос.

Через все эти репетиции и ежедневные, ежевечерние и часто ночные заседания в гараже прошло много людей. В каком-то сухом остатке и итоге из всего этого получилось несколько семей, пара сломанных жизней, три приличные песни и только Володя остался с музыкой на всю оставшуюся жизнь.

Только Володя остался с длинными волосами и с гитарой в руках. Он всё-таки закончил зачем-то транспортный институт, по специальности не работал ни одного дня. Чем бы он ни занимался, он всё равно вечером запирался в гараже и занимался музыкой. В конце концов он остался один. Обвинил всех в предательстве, бесчувственности, бездарности и в желании жить легко и как все. Он остался один. Правда, с ним осталась единственная их певица, которая закончила уже музыкальное училище, но осталась преданна гаражной музыкальной романтике. На ней Володя и женился.

Теперь у Володи была своя музыкальная студия, где он записывал всё и всех, кто хотел что-то записать и готов был за это заплатить. Работа его студии была расписана плотно и круглые сутки. У него в студии пели и играли как известные музыканты, чьи песни звучали по радио, так и мужики с толстыми шеями, которые сочиняли песни про правду жизни, а их друзья были в восторге от таких песен и убеждали этих мужиков, что пора наконец обрадовать мир. Приходили к Володе серьёзные отцы с талантливыми парнями лет четырнадцати—пятнадцати. Отцы платили за то, чтобы в Володиной студии помогли записать их сыновьям отчаянно грустные песни про свечи, про тени, про смерть и кровь на чёрных стенах. Эти отцы не понимали, о чём поют их дети, но делали умные лица и знали, что их дети далеко пойдут. Были среди его клиентов и бывшие модели, бывшие официантки или танцовщицы, которые решили стать певицами.

Некоторые писали музыку или стихи, или и то и другое сами, но чаще они заказывали стихи и музыку. Володя с лёгкостью выполнял такие заказы. Все такие его песни были похожи одна на другую, но он не переживал. Главное, что мужья или хорошие знакомые таких певиц, нормально платили за работу. Это всегда были мужики, сильно пахнущие одеколоном, и в возрасте от сорока пяти и старше. Володя рассказывал про них, что они лично договаривались с ним об условиях. Он смеялся и говорил: «Они все говорят одно и то же. Просят, чтобы я всё сделал хорошо, а потом спрашивают очень робко: «Ну правда же она талантливая?»»

Кто только не пел в Володиной студии: и какие-то воины-ветераны, и драматические артисты, решившие запеть, и какие-то бизнесмены, которые днём что-то продают или строят, а вечером ездят на мотоциклах и пишут замысловатые философские песни или слезливые песни про несчастную любовь. Однажды, про него Володя рассказывал отдельно, несколько дней подряд у него в студии репетировал, пел и в итоге записал целую программу мэра какого-то небольшого города Тульской области. Он пел патриотические песни, романсы и песни из кинофильмов разных лет. «В подарок горожанам, – сказал он. – И будут ещё у нас по радио крутить».

Всех таких своих клиентов Володя называл идиотами, дураками, суками, уродами, дуболомами, падлами, проходимцами, инопланетянами, тварями, животными или просто долбоёбами. Приблизительно так же он называл и тех профессионалов, которые тоже пользовались его услугами. Их песни звучали по радио, их называли «звёздами», но Володя называл их теми же словами, что и остальных. На всём этом он неплохо зарабатывал, приторговывал музыкальными инструментами на заказ, не потерял чувства юмора и считал себя музыкантом, который не предал идеалов молодости.

Володя за те годы, что его знал Миша, потолстел, но только в области живота и второго подбородка. Руки и ноги остались у него тонкими. Он, как и в юности, носил обтяги-

вающие ноги джинсы, а майки и рубашки большего, чем ему требовалось, размера. Волосы его поредели, но остались длинными. Володя всегда был бледным из-за редкого контакта с открытым воздухом и солнцем. Но он упорно продолжал в свободное время, часто ночами, репетировать, сочинять, петь и записывать свои сложные для исполнения и практически невозможные для восприятия музыкальные произведения, которые сам называл песнями. К этому своему творчеству он относился без юмора и ощущал себя одним из последних стойких форпостов настоящей музыки.

Миша любил Володю. Точнее, когда Володя разогнал музыкальный коллектив и вскоре женился, Миша Володю не любил. Володины действия и женитьба заставили Мишу покинуть квартиру на Кутузовском, лишили его удобного жилья и возможности ежедневно общаться с Юлей. Володина жена Вика даже самую стойкую и мудрую Юлю выводила из равновесия и мешала ей жить привычным образом. В общем, какое-то время Миша Володю не любил, а последние лет пять снова любил. Миша даже иногда заезжал к Володе в студию, и они играли с ним старые свои песни времён гаражных репетиций. Изредка к ним присоединялись ещё ребята, из того же прошлого, которые давно уже занимались разными делами, но вспоминали про гараж и музыку как про лучшее в своей жизни.

* * *

Уже поздно вечером Володя сидел у Миши дома. Он как-то пришёл в себя, стал серьёзен, но остался несколько заторможенным. Он сам попросился к Мише домой.

– Не могу ехать домой, – сказал Володя. – Вика ещё чего-нибудь лишнее скажет... боюсь, не сдержусь. Или мама её... На сегодня смертей хватит. – Володя весь сморщился на этих словах и хмыкнул. – Там... ну, на Кутузовском, там не только Вика с её мамой... Там всё Юлю помнит и о ней напоминает. Давай посидим у тебя. Не волнуйся, я ночевать не останусь.

– Да оставайся, что за...

– Нет, старик, не останусь. Посидим, да я поеду домой. Просто сейчас, сразу не могу.

Так они поговорили ещё, когда сидели у Миши в машине. Поговорили и поехали к Мише домой. Ехали молча. А потом они сидели у Миши на кухне и тихонько разговаривали. Мишины дети – Катя девяти лет и Соня четырёх – уже спали, Аня, наверное, тоже. Было совсем тихо, сил на переживания уже не осталось. Они сидели, и на кухне царило тихое, усталое несчастье.

– Спасибо тебе, Миша, – отхлёбывая чай, медленно говорил Володя. – Я как-то совсем растерялся...

– Да брось ты, что за благодарности, – без сил ответил Миша.

Он вдруг подумал о том, как давно было утро, как давно он сидел в своём кабинете и с удовольствием читал. Как это было давно! Какой невыносимо длинный день они прожили, какой это был бесприсветно тяжёлый день. Но главное, ужасно длинный.

– А знаешь, я когда уснул там, у Юли на диване, – скривив губы в улыбку и глядя в чашку с чаем, бормотал Володя, – мне стало так хорошо-хорошо. Я, когда просыпался, даже подумал, а может, всего этого кошмара нет, может, всё идёт, как шло. Правда, я так подумал. Так в книгах пишут, типа: «Ей хотелось, чтобы всё это исчезло, как страшный сон». Правильно, оказывается, пишут. Как бы мне хотелось, чтобы всё это оказалось сном, который приснился только мне.

– Да уж, – только и смог сказать Миша и замолчал ненадолго. – Ты знаешь, я думал, что все эти организационные дела, ну, всё, что связано с траурными и похоронными делами... Я думал, что всё это гораздо более муторные и сложные дела. А смотри, мы обо всём уже договорились, все уже оповещены, как бы основное уже сделано. Странное ощущение. Тре-

вога какая-то не отпускает, кажется, что что-то забыл или упустил. Надо поспать. Только не понимаю, получится ли.

– Вот и я, старик, ничего не понимаю, – вдруг чуть громче сказал Володя, – совсем не понимаю. Ничего! Мне не верится, не верю я. Не укладывается у меня в голове. Не могу я до конца осознать, что Юли-то... Юли, понимаешь, нет и не будет... И что она смогла такое сделать. Это же Юля! Ты понимаешь, о чём я? Это же Юля!

Миша слушал Володю и слышал свои собственные ощущения и вопросы. Он сам весь день только об этом и думал. Иногда осознание реальности произошедшего наваливалось, а с ним и горе и отчаяние. Но непонимание побеждало. Полное непонимание.

Миша ещё не знал никаких подробностей. Он так и не решился расспросить Володю. Он даже не знал, оставила Юля записку или нет, не знал, кто и как её обнаружил. Не знал. Он жаждал узнать, он надеялся услышать то, что хоть как-то ему хоть что-то объяснит. Но он не мог задать ни единого вопроса.

А Володя, допив молча свой чай, рассказал все подробности, которые знал сам. А знал он больше других, и именно Володя нашёл свою сестру в ванной комнате и вынимал её из петли, безумно завывая и совершенно один.

Володя рассказал. Он очень сбивчиво рассказал.

* * *

Миша понял и запомнил из его рассказа то, что с Юлей Володя последние месяцы совсем не встречался, может быть, только пару раз. Но в последние годы это было вполне нормально. Володина жена Вика Юлю терпеть не могла и была не в восторге от контактов тёти Юли с племянниками. А своих племянников – у Володи было трое детей: старший сын и две дочки-близняшки – Юля очень любила, задаривала их подарками, проявляла всяческую заботу и хотела видеть их как можно чаще. Но Вика ограничивала Юлину заботу как могла.

Володя вспомнил, что в августе Юля позвонила и попросила его свозить её к отцу в Рязанскую область. Володя сослался на дела, на то, что плохо знает дорогу и плохо водит машину, на то, что и без того из-за работы не видит семью, на то, что Вика будет не в восторге. А Юля и не уговаривала. Нет так нет. В течение августа и в сентябре Володя Юлю не видел. Они ещё созвонились несколько раз. Потом Володя в очередной раз попросил Юлю помочь устроить одного своего знакомого к хорошему гомеопату. Юля пообещала, но целую неделю ничего не сообщала. Тогда Володя ещё раз позвонил, чтобы узнать результат, а Юля сказала, что забыла, извинилась и пообещала немедленно всё устроить. Раньше такого с ней не случалось, она ничего не забывала, особенно того, что касалось чьего-то здоровья. Раньше не забывала. Во всяком случае, Володя припомнить такого не мог. Юля действительно ничего такого не забывала, Миша мог подтвердить. Володя сказал, что после его напоминания она вскоре перезвонила, потому что всё устроила.

Ещё она звонила в начале сентября, звала Володю с детьми к себе в гости на выходные. Звала к себе в квартиру на Яузе или, если погода позволит, хотела сводить племянников в зоопарк или в парк Горького. Володя обещал подумать. Они тогда ещё поболтали. Юля спросила Володино мнение по поводу того, куда лучше поехать в отпуск. Она спросила, что думает Володя по поводу осенней поездки в Италию. Юля нигде и никогда, кроме нескольких поездок к своему профессору в Швецию да двух командировок в Америку, где ей очень не понравилось, не бывала. Ей хотелось съездить в Рим, во Флоренцию и, конечно, в Венецию. Володя был тогда занят, подробно с Юлей говорить не мог, но идею поездки в Италию в целом одобрил.

Ещё Володя вспомнил, что Юля очень сильно переживала в мае из-за смерти своего кота Тихона. Кот был довольно старый, беспородный и своенравный. Юля его сильно

любила. Она его давно подобрала где-то котёнком, так он у неё и жил. Миша хорошо знал и помнил этого Тихона. Тот регулярно весной убегал и скитался неделю или две, Юля волновалась и ждала. А этой весной он шлялся где-то и вернулся, волоча задние лапы. Едва приполз. Соседи сказали Юле, что видели её кота у подъезда. Она лечила его, пыталась выхорить, но пришлось Тихона усыпить, чтобы он не страдал.

Володя подробно рассказал, что Юля так сильно горевала из-за своего кота, что ему пришлось её пару раз навестить. Она плакала, говорила, что не простит себе того, что сама вызвала ветеринара, чтобы Тихона усыпить, что Тихон всё, дескать, понял и принял смерть стойко. Володя вспомнил, что Юля сказала, когда они сидели у неё на кухне, после смерти кота. Она сказала в том смысле, что, когда умирает любимое животное, человек остаётся один со своим горем, никто сильно не сочувствует. Когда умирает близкий человек, тогда все понимают, и кто искренне, кто формально, а кто за компанию, но все понимают и сочувствуют. А вот умер кот, говорила она, и одиночество страшно обнажилось. А ещё она сказала, Володя привёл её фразу точно, она сказала: «Ну вот теперь в мире нет ни одного живого существа, которое не смогло бы без меня жить».

Миша тут же вспомнил, что Юля часто говорила ему, что её кот – это единственная душа, которая в ней действительно нуждается и жить без неё не сможет.

– Ага! – говорил ей на это Миша. – Ты забыла ещё про добрую сотню приличных людей и про систему здравоохранения страны в целом.

Юля на это отмахивалась и говорила, что все без неё проживут. Она смеялась, шутила, что без неё им всем придётся поискать другую няньку, но, в общем-то, никто не помрёт. А вот её кот без неё точно не сможет.

* * *

Миша слушал Володю, не торопил. Но ему нужны были другие подробности. Он жаждал хоть намёка на причину такого немыслимого Юлиного поступка. Не из-за кота же она такое сделала.

– А вчера она позвонила уже за полночь. Была половина первого ночи. Я удивился, – говорил Володя, держал пальцами дымящую сигарету, но не затягивался, – она себе такого никогда не позволяла. Я ещё не спал, но Вику она своим звонком разбудила. Я её спрашиваю: «Юль, ты чего не спишь? Что-то случилось?» А она так сонно-сонно говорит, мол, ничего пока не случилось, но очень просит утром к ней заехать. Я её спрашиваю: зачем? А она говорит: «Братец, даже не спрашивай!» А голос у неё был такой... – Володино лицо сморщилось, он задышал носом, но не заплакал. – Знаешь, Миша, ну кто её знает лучше меня? Но я её такой не слышал. Такой голос у неё был... почти спящий и совсем без интонации. Я ей: «Слушай, сестра, точно ничего не случилось?» А она, слышу, еле языком ворочает, но не пьяная, это точно. Попросила прощения за беспокойство, повторила, что нужно заехать к ней утром. Потом, Миша, она замолчала, я думаю: что же с ней такое там? И ещё так весело ей говорю: «Сестричка, ты что там, уснула?» А тут Вика, громко так, специально, чтобы Юля слышала: «Да жизни никакой нету, уже и ночью покоя не дают!» Юля, видно, услышала и говорит: «Прости, братец мой родной...» Она меня так только в детстве называла, давно я такого обращения от неё не слышал. У меня аж мурашки по всему телу... А она: «Прости, хлопот со мной, конечно, много! Прости!» – Володя едва мог говорить. – И потом она сказала совсем почти неслышно: «Ну всё. Всё», – и пошли гудки. – Володя затрясся от беззвучных рыданий, отвернулся к окну и затянулся сигаретой. Через пару секунд он выпустил дым и смог говорить дальше. – А я что-то почувствовал. Мне Вика: мол, ложись спать, – а я не могу. Покурил, попробовал уснуть – не могу. Позвонил Юле, она трубку не берёт. Раз двадцать её набрал – не отвечает. И тут мне как гвоздь в мозг – надо ехать к ней. Вика кричит: «Ложись

спать, не пушу!» А я чувствую, что меня аж в пот бросает. Короче, около двух выскочил на улицу, поймал такси, поехал к ней. Быстро доехал, Миша, очень быстро.

Миша слушал, и ему становилось всё хуже и хуже. Он чувствовал испарину на лбу и нехватку кислорода. Страх и какая-то очень конкретная жуть мешали дышать, но он слушал.

Дальше Володя рассказал, что входная дверь в Юлину квартиру была не заперта. Да ключей у Володи и не было. Свет везде горел. Он с порога стал Юлю звать. Но никто не ответил. Володя пометался по квартире, заглянул в ванную, там Юлю и увидел. Она почти стояла на коленях в ванне, бельевую верёвку Юля привязала к душевому креплению. Ванна и крепление для душа были старые, чугунные...

На этом моменте рассказа Миша встал, чуть не упал сам и чуть не уронил стул. Он, как мог, быстро пошёл в ванную комнату. Его не стошнило. Но он едва не потерял сознание. Миша долго стоял, держась обеими руками за раковину, тяжело дышал, потом пустил холодную воду и сунул голову под струю. Своё тело он в этот момент ощущал, как неуправляемый, набитый пыльной ватой мешок, от которого очень хотелось отделиться и больше его так не ощущать.

Потом Володя ещё рассказал, что не знал, что делать. Юлю он долго не мог вынуть из петли, но всё-таки справился.

— Я, Миша, совсем не понимал, что делать. Выл, сидел на полу в ванной и выл. Оставил Юлю лежать в ванне. А она одета была в рубашку какую-то серую и брюки. Босая. Потом позвонил в милицию. Повыл и позвонил. Я просто хотел, чтобы кто-нибудь приехал. В «скорую» тоже звонил. Лучше бы не звонил. Это они сказали звонить в милицию, если медицинская помощь уже не нужна. Я бы убил тогда эту тётку, которая со мной разговаривала. Миша, она так разговаривала...

Главное Володя сказал почти в конце. Записки никакой ни в квартире, ни в одежде при Юле не нашли. В спальне обнаружили много разных таблеток, в том числе и пустые упаковки сильнодействующих успокаивающих и снотворного. Юля выпила очень много таких препаратов, но явно не смертельную дозу.

— Ночью Вика стала мне звонить, — говорил и говорил Володя, — а тут милиция. Их много было, человек пять сначала. Они, суки, очень долго ехали. Я чуть с ума не сошёл, пока они ехали. Да... Вика стала звонить, а я и не стал отвечать.

Не смог. А к утру уже так устал, изнемог буквально. Думаю, если сейчас какой-то родной человек не приедет, то всё. Тогда я тебе и позвонил.

Володя посидел у Миши часов до двух. Они ещё выпили чаю. Бутылка коньяку простояла на столе, не тронутая. Потом Володя уехал домой. Миша проводил его до такси. Уснул Миша, на удивление, моментально. Уснул сразу, как только лёг. Спал он в ту ночь крепко, без сновидений, проснулся от писка будильника. Обычно он просыпался раньше сигнала и отключал будильник, чтобы не слышать неприятный писк. Проснулся невыспавшийся, сразу вспомнил то, что накануне говорил Володя про страшный сон, и убедился в справедливости его слов. Миша быстро собрался, сказал Ане, что не знает, когда вернётся, и поехал на работу.

Он ехал и удивлялся сам себе. Удивлялся тому, что его как-то не беспокоит то, что происходило вчера в его отсутствие в его же делах. Он никогда не успокаивался и для себя самого не заканчивал свой собственный рабочий день, пока не получал отчётов и информации со всех направлений деятельности. Ему для спокойствия и умиротворения нужна была логическая точка дня. Иначе он волновался, тревожился, звонил кому-то, что-то уточнял, корректировал планы на следующий день. Миша не отключал телефон во время отпуска и не мог удержаться от регулярного контроля за делами, даже если пытался отдыхать где-то далеко от дел. Он даже ругал себя за излишнюю нервозность и ревнивое отношение к работе, старался укладываться в рабочий день и не думать о делах дома, но...

А в то утро он не беспокоился, хотя накануне вечером даже не принял отчёта о проделанной за день работе от своего помощника и заместителя по многим вопросам, Леонида. Леонид пытался дозвониться до Миши всю вторую половину дня и весь вечер, но Миша сначала не отвечал на звонки, а потом ответил коротко, что выслушает всё утром. При других обстоятельствах он сам бы звонил Леониду и, если бы не мог дозвониться, то очень сердился бы. А тут он ехал на работу и понимал, что едет туда потому, что ехать больше некуда. «А куда ещё ехать? Куда?» – думал Миша.

Когда он уже подъезжал к работе, позвонил Володя, ещё раз поблагодарил и сказал, что выезжает в Рязанскую область к отцу. Сказал, что езды туда часа три, не больше, ну и обратно так же. Сказал, что по телефону отцу про Юлю сказать не смог, потому что не видел его уже почти год и потому что по телефону не смог. Сказал, что едет с Викой, она за рулём. Миша знал, что Володя машину практически не водит, не любит, нервничает и боится. Володя попросил Мишу созвониться с ним ближе к вечеру, ну, или раньше, если возникнут вопросы или проблемы.

* * *

Миша зашёл к себе в кабинет, сел в своё любимое рабочее кресло и уставился на книжку Фицджеральда, которая так и лежала сутки на том самом месте, где он её вчера оставил, распахнутая на той самой странице, которую он сутки назад читал. Потом он оглядел свой небольшой, красивый, модный, не без претензии сделанный кабинет. Посмотрел на несколько фотографий, висящих на стене. Вот он с известным оперным певцом, вот он в компании коллег на белой лестнице, а в середине фото столичный мэр. Вот он, Миша, стоит в элегантном пальто, а за спиной у него большой дорожный знак, на котором написано: Лондон – столько-то километров, Манчестер – столько-то, Ливерпуль – столько-то, Глазго – столько-то.

* * *

Ещё на стене висел дорожный знак, Мишина гордость. Когда-то он его сам придумал, нарисовал, и ему его изготовили, как настоящий. Потом он много раз заказывал у себя же на производстве такой знак и дарил его разным людям по разным поводам. Когда-то он придумал и нарисовал знак, точно такой же, как знак «кирпич», то есть круглый, красный, с белым горизонтальным прямоугольником по центру, в простонародье именуемым «кирпичом». Так вот, Миша нарисовал вместо этого белого прямоугольника знак «бесконечность», то есть белую, жирную, горизонтальную восьмёрку. Всем очень нравилось. Миша гордился своей идеей. Он сделал с «бесконечностью» и синие и белые знаки. Но красный был самый красивый и символичный. Он висел на стене по центру.

Миша оглядел это всё и снова уставился на книгу. Он быстро её захлопнул, взял в руку, потряс ею в воздухе, чуть было не бросил в мусорную корзину, но рука с книгой зависла, а потом книга снова легла на стол.

Миша чувствовал, что что-то ушло из его кабинета и из его жизни, что-то, что ему было дорого, и то, что он ценил и даже любил. Он ещё не понимал, что это, и безвозвратно ли оно исчезло. Только сильнейшее беспокойство и тревога наполнили все его ощущения, мысли и чувства. Ему стало страшно. А вдруг эта тревога не уйдёт? Вдруг это надолго? За те сутки, что его не было в этом кабинете, с кабинетом ничего не случилось, а с ним что-то стряслось. Он понял это и испугался. Он понял, что переживает не горе и ужас утраты близкого и очень важного в его жизни человека. Он чувствовал, что такое стройное и с таким трудом выстроенное ощущение жизни, к которому он в последнее время пришёл, уходит из-

под ног и улетучивается из него самого. Улетучивается или уже улетучилось, уходит из-под ног или уже ушло? Вот что он силился понять. В эти минуты он отчётливо осознал, что ему необходимо вернуть своё гордое спокойствие и свою жизненную основу, к которой он так не просто пришёл.

И для этого ему обязательно нужно, как можно скорее, а лучше немедленно выяснить и понять, почему Юля сделала то, что сделала. А Юля сделала такое!!! Она сделала то, что никак не вязалось с его представлениями о том, что такое вести себя хорошо или вести себя плохо. Тому, что она сделала, в его системе не было названия. И при этом Юля была самый близкий ему и лучше всех в мире понимающий его человек. Ближе родителей, по целому кругу вопросов, направлений и переживаний ближе жены и намного понятнее детей. А тут такое! Ему нужно было разобраться и понять, как такое мог сделать такой ясный и родной человек. То есть не просто человек, не человек вообще, а Юля. А ещё, и он это осознавал, ему нужно было всё это понять не сегодняшним, растерянным и испуганным собой, а вчерашним, спокойным и рациональным.

Миша в последнее время боролся с тревогами и беспокойствами в себе. Он даже старался не допускать никаких тревожащих его ситуаций.

* * *

Около года назад Миша почувствовал беспокойство. Это была короткая тревога, и он об этом вспоминал не без улыбки. Случилась эта тревога поздней осенью, в середине ноября. Он точно не помнил. Помнил только, что было уже довольно холодно, но снега ещё не было вовсе. Как-то в пятницу вечером, с переходом в ночь, несколько его приятелей и он пошли в новый клуб. Клуб открылся недавно, все либо хвалили его, либо ругали, либо говорили, что ничего особенного. Но просто много о нём говорили. Пошли тогда большой компанией, человек семь, все в возрасте тридцать плюс.

Самый старший был в той компании Стёпа. Стёпа вообще по клубам любил ходить больше всех остальных Мишиных знакомых. После того как Стёпа развёлся с женой пару лет назад, он погоревал с полгодика, и его прорвало. Он уже давно периодически влюблялся в восемнадцатилетних, а тут его буквально понесло. Миша всё удивлялся, неужели его зоомагазины приносят ему так много денег, чтобы можно было себя так разухабисто вести, да ещё и ездить регулярно в далёкие страны, чтобы там дорого лечиться. К тому же, как только Стёпу понесло, он стал дорого одеваться. Но, насколько Миша знал, Стёпа никогда ни у кого не брал в долг.

В той компании был ещё Сергей, остальные были менее близкими и старыми приятелями. Клуб оказался как клуб. То есть хороший, то есть ничего особенного. Народу было много, даже очень много. Музыка звучала так, что о разговорах не могло быть и речи. В такой обстановке компания из семи человек быстро распалась. Сергей спиртного не выпивал совсем, не любил и не понимал алкоголь, хотя пару раз на Мишиной памяти надирался ни с того ни с сего до изумления, был безобразен и небезопасен. Короче, Сергей стал пить сок. Он знал очень много самых разных людей, и через десять минут он уже общался с несколькими барышнями. Тем самым он отвлёк часть компании. Стёпа быстро выпил пару рюмок чего-то и ушёл, как он говорил, «на разведку». В общем, вскоре Миша выпивал вдвоём с малоизвестным ему парнем, который всё время вертел головой по сторонам и явно чего-то большего ждал от вечера. В итоге Миша остался у стойки бара один.

– Мишенька, здесь работы непочатый край! – неожиданно вынырнув из общего движения, прокричал Мише на ухо вернувшийся Стёпа. – Там две студентки из Самары та-а-акие! Пойдём со мной, Мишенька. Они чудесные. Но мне одному с ними никак.

Они долго протискивались сквозь танец к дальнему столику. Стёпа тащил Мишу за руку. Студентки из Самары показались Мише несовершеннолетними. Они были бледные, аж синие, при клубном свете. Им было весело, и они постоянно шептались между собой. Короче, Миша вскоре вернулся к своему месту за барной стойкой.

Но у полукруглой стойки, пока он ходил, появились две молодые женщины, лет около тридцати. Они сидели практически напротив Миши. Одна из них сразу Мише понравилась, он внимательно её разглядел, и она ему понравилась ещё сильнее. Пока Миша заказывал себе выпивку, одна из двух женщин исчезла, а другая сидела за стойкой, пила через соломинку что-то красное из высокого стакана и отрешённо смотрела перед собой. Она была красивая и элегантная. Миша рассматривал её и даже не понимал, что рассматривает её очень откровенно. А потом она обожгла его взглядом. Он взгляда не выдержал, улыбнулся и отвёл глаза. Но мурашки по спине побежали самые приятные и знакомые. Через пару минут он снова смотрел на неё, ждал и искал её взгляда, и когда дождался, улыбнулся и приподнял свой стакан, предлагая выпить, она улыбнулась и подняла в ответ свой.

Стёпа появлялся ещё пару раз. То он снова звал Мишу пойти с ним, потому что он познакомился с волейболистками с Сахалина. Миша не пошёл. Он не отпуская глазами свой объект внимания и интереса. Потом Стёпа появился с двумя девицами, которые были выше его ростом. Ему было весело, но Миша его в его веселье не поддержал.

Короче говоря, Миша посидел ещё немного, взял свой стакан и направился в обход стойки к той женщине, которую рассматривал и которая смотрела на него. Он без особых церемоний представился, она тоже прокричала своё имя, наклонившись к Мишиному уху, чтобы он услышал. Музыка звучала страшно громко, а её голос был тихий.

– Соня! – прокричала она.

– Соня?! – обрадовался Миша. – Это моё любимое имя. Мою дочь так зовут.

– Как зовут моего сына, я вам не скажу, – также наклонившись близко к Мише, прокричала она, – потому что его зовут не Михаил.

Они посмеялись.

Вскоре они сидели в кафе недалеко от клуба и разговаривали. Оба пили коньяк, кофе, оба курили. У Миши кончились сигареты, и они курили её сигареты. Им было весело. Соня работала в большой транспортной компании, занималась логистикой. Сын, как Миша понял, у неё был, а мужа, как Миша смог догадаться, не было. Его дорожные знаки Соню, как нормального человека, да к тому же связанного с транспортом, заинтересовали. Так что им было о чём поговорить. Семейного положения друг друга они не касались. Так, слегка задели эту тему – и всё. Соня была москвичка, причём не в первом поколении. Они говорили и говорили. Хорошо выпили. Потом шли вместе по улице. Было холодно, но расставаться не хотелось обоим, а заходить куда-то и снова сидеть и пить не было смысла, и тоже обоим не хотелось. Так они дошли до бульвара, прогулялись по бульвару, уже держась за руки. Потом некоторое время целовались, потом обменялись номерами телефонов, снова целовались. Целовались сильно, судорожно и откровенно. Потом Миша усадил Соню в такси, она уехала восвояси, и Миша поймал такси следом и поехал домой спать.

А утром с ним случилась тревога и беспокойство.

Он проснулся в субботу уже ближе к полудню. В постели и в спальне он был один. Детские голоса доносились из кухни. Голос жены звучал оттуда же. Миша ощутил сухость во рту, вполне предсказуемую тяжесть и муть в голове. Но все эти ощущения были несильными. Так, слегка шумело, и слегка было мутно в голове. Бывало хуже, много хуже. Он лежал так, не сообщая жене и детям, что проснулся, вспоминал то, что было ночью, и вспомнил всё до мелочей. Тут-то тревога и посетила его.

Он снова и снова вспоминал все подробности, вспоминал, как смотрел на Соню, сидящую за стойкой, и ещё ему не знакомую. Вспоминал её взгляд, вспоминал, как она согласи-

лась пойти с ним в кафе рядом с клубом, вспоминал их разговоры, вспоминал бульвар и то, как Соня сняла перчатку, прежде чем позволить ему взять её за руку. Он подробно вспомнил поцелуи и где были его руки во время этих поцелуев. Миша вспомнил, как, сидя в такси, он всю дорогу улыбался.

Он вспомнил всё это и встревожился. Он усиленно стал анализировать своё состояние и свои ощущения по поводу того, что вспомнил. Он внимательно изучал сам себя, чуть ли не прислушиваясь к тому, как бьётся сердце. При этом Миша задавал себе один-единственный вопрос: «Неужели я влюбился? Опять?! Неужели влюбился?»

То, что он в себе обнаружил, его встревожило. Тогда он встал и пошёл в ванную комнату.

– А-а-а! Вот и папа проснулся, – не без иронии сказала Аня.

– Привет! – хрипло сказал Миша.

– Привет! – закричала младшая Соня.

Старшая Катя ничего не сказала, а только радостно помахала ему рукой и подмигнула, состроив весёлую гримасу.

– Как самочувствие, как головушка? – всё тем же тоном спросила Аня.

– Милая моя, я не так вчера выпил, чтобы нужно было сегодня беспокоиться о моём здоровье.

– Да? – наклонив голову и вполне дружелюбно спросила Аня.

– Да! – сказал Миша и показал жене язык. – Сейчас приму душ, побреюсь и готов буду соответствовать.

– Папа, а пойдём в кино, ты обещал, – слегка растягивая слова для жалостливости, сказала Катя.

– Дайте мне двадцать минут, и пойдём куда угодно, – всё ещё хрипло сказал Миша. – Папа веселился вчера, сегодня ваша очередь, – на этих словах он подмигнул жене.

Миша долго чистил зубы и смотрел отражению прямо в глаза. Тревога не оставила его, и во время разговора с женой и дочерьми тоже не оставила. Наоборот, усилилась тревога. «Неужели я влюбился? – так и звучало в голове. – Неужели?!»

Он долго принимал душ, долго брился у запотевшего зеркала, долго сушил волосы. Тревога усиливалась. Перед тем как выйти из ванной, он накинул на себя свой любимый старый халат. Он прошёл в халате через комнату, нашёл сигареты и зажигалку и прямо в халате и тапочках вышел на свой маленький балкончик. Морозный воздух приятно и резко ухватил Мишу за влажные, всклокоченные волосы и скользнул по лицу. Миша увидел редкие снежинки, которые медленно падали с серого осеннего неба. Ветра совсем не было. Это были первые снежинки наступающей зимы. «Неужели я влюбился?» – подумал Миша, плотнее запахнув халат, подтянул пояс потуже и закурил. Было холодно. Почти морозно. В прозрачном воздухе дым сигареты был белый-белый.

«Нет! Всё-таки не влюбился. Не влюбился. Это точно!» – вдруг получил он ответ из своих собственных недр. «Слава Богу! – тут же подумал Миша, с удовольствием затаился и с благодарностью посмотрел в серое небо, на первые снежинки и на по-субботнему не очень шумный город. – Слава Богу!»

Тревога тут же улетучилась. Наоборот, Мише стало хорошо и радостно. «Всё хорошо! Не надо, этого сейчас совсем не надо!» – думал он. А потом ему даже стало смешно. Он беззвучно смеялся над своими страхами и над тем, как он сам себя изучал на предмет наличия в нём самом влюблённости. «Смешно! Ой как смешно! А вот влюбился бы, и тут было бы не до смеха!» – докуривая, думал он.

Тогда он и всем с емейст вом сходи ли в к ино. К ино девчон к а м не понравилось, так что его удалось досмотреть едва до середины. Но это никому не испортило настроения. Миша повёл всех есть мороженое. В общем, суббота прошла хорошо.

Соня позвонила в воскресенье днём. Миша был дома, сидел, читал что-то, какой-то журнал. Аня была рядом. Миша взял телефон, увидел, что звонит Соня, и отвечать не стал.

– Не хочу сегодня отвечать на деловые звонки, – сказал он как бы сам себе.

Соня не долго ждала ответа. Телефон подал буквально три-четыре сигнала и затих. «Деликатно», – подумал Миша.

Он снова встревожился. Но не сильно. «А вдруг влюбилась она? – подумал Миша. – Это было бы совсем некстати».

В понедельник он сам позвонил ей днём. Он извинился за то, что не ответил в воскресенье.

– Не услышал звонка, прости! – соврал он.

А Соня и не обижалась. Извинилась сама. Сказала, что позвонила и только потом подумала, что рядом может быть жена.

Они хорошо поговорили. Договорились созвониться в среду-четверг и, может быть, что-нибудь придумать. Из того разговора Миша понял, что Соня не влюблена. Это его слегка царапнуло, но и успокоило в то же время. Тогда Миша понял, что тревога миновала. И ещё он понял, что впервые так сильно встревожился по такому поводу. «Значит, что-то теперь не так, как раньше, – думал он. – Значит, теперь есть то, что нужно поберечь от разных тревог и переживаний. Значит, теперь важнее другое...»

* * *

Миша сидел в своём кабинете, облокотившись на стол и обхватив голову руками. Новая тревога даже мешала дышать. Он понимал, что до сих пор по-настоящему не осознал, что Юля-то умерла, что её больше нет. То, что она совершила, он осознал, а то, что умерла, – ещё нет. Миша понимал и удивлялся тому, что горе, знакомое ему горе утраты, ещё не настигло его. Он ещё не почувствовал непоправимость и безвозвратность произошедшего, и сам факт Юлиной смерти оставался пока только фактом, новостью, данностью, но до чувств и до горя этот факт ещё не дошёл. Он ещё даже по Юле не поплакал. Только ужас её поступка терзал его и тревожил.

«С этим надо что-то делать!» – думал Миша. Он чувствовал необходимость справиться с тревогой. Он даже хотел, наконец, испытать горе от произошедшего. Но тревога блокировала все остальные чувства. «Что-то надо с этим делать! Надо с этим разобраться», – думал и думал он.

Он встал из-за стола, подошёл к окну и открыл его. Утро было холодное и ветреное. Миша закурил, дым несло внутрь. Он сделал пару затяжек, но остро почувствовал, что курить на самом деле не хочет, и выбросил сигарету в окно. Мише стало ясно, что справиться с тревогой и хоть как-то успокоиться можно только одним способом. Ему необходимо было разобраться и понять, почему Юля это сделала. Почему? Должна быть конкретная и внятная причина. Должно быть какое-то объяснение произошедшему. Эту причину нужно найти и попробовать понять, попробовать принять или не принять её как причину. Но сначала её надо найти. «Надо будет разузнать, что с Юлей происходило в последние месяцы, – думал Миша, – не такой человек Юля, чтобы ни с того ни с сего... Надо будет подробно в этом разобраться».

Миша подумал так, и ему даже стало как-то легче. У него появился почти план. А план – это действие. Миша даже горько и иронично усмехнулся и подумал: «План! Да-а-а... Действовать по плану намного легче, чем бездействовать без плана».

Эта мысль показалась ему забавной, и он даже решил её записать. Миша так делал. Он иногда записывал свои удачные фразы в блокнотик, а самые удачные начинал использовать в разговорах. Высшей, в этом смысле, радостью для него было, когда кто-нибудь реагировал

на его высказывания как-нибудь так: «Здорово сказано, это Макиавелли?» или «А это вы кого процитировали?».

Миша захотел записать забавную, как ему показалось, мысль, он вернулся к столу, сел, взял ручку, тут же её бросил: «Ещё не хватало! Великая мысль! Тьфу ты, тоже мне изречение!» – выругал он себя мысленно.

Он стал думать о том, с чего надо начать и как можно побольше разузнать про Юлину жизнь последних нескольких месяцев. А ещё он всё вспоминал и вспоминал их последнюю встречу, как они сидели у Юли на кухне, долго говорили и довольно много выпили. Это был хороший разговор. Юля была такая спокойная. Но теперь Мише казалось, что она была слишком спокойная и грустная. Она тогда сама почти ничего не говорила, только расспрашивала... Мишины размышления прервали громкие шаги за дверью кабинета и стук в дверь. Миша ничего не успел сказать, как дверь открылась и в кабинет зашёл Лёня, его помощник, заместитель и почти друг.

– Доброе утро, Михал Андреич, – сказал Лёня, – я могу с вами переговорить?

– Доброе, Леонид Михалыч. Заходи, садись. А чего ты такой официальный?

– Да нет, ничего. Просто я подумал, у тебя что-то случилось. Ты вчера как с утра пропал куда-то... Я тебе звонил, звонил. Что-то стряслось?

– Стряслось, Лёня. Близкий человек умер трагически. Так что я вчера был занят и ещё несколько дней буду.

– Да ты что?! Кто-то из родственников?

– Нет. Знакомая одна. Очень близкая и старая знакомая. Очень дорогой мне человек.

– Вот беда! А сколько ей было?

– Сорок девять.

– Молодая совсем. Болела?

– Я же говорю, трагедия! Всё так неожиданно, Лёня. Ты меня не спрашивай лучше. Просто на этой неделе на меня сильно рассчитывать не надо.

– Хорошо. Извини!

– Ты что-то хотел сказать? – спросил Миша.

– Да. Хотел. И, к сожалению, это срочно. И, боюсь, без тебя обойтись невозможно.

– Что такое?

– Миша, дорогой! Нужно немедленно ехать в Петрозаводск. И надо ехать тебе. Со мной они отказались говорить. Категорически отказались.

– Что за новости! Зачем ехать? Там же всё решено-перерешено уже давно. Что они там выдумали?

Миша почувствовал, что гневается. Он уже два раза за лето и начало осени бывал в Петрозаводске. Там прокладывали новую федеральную трассу. Делали дорогу давно. Строительством этой трассы то останавливалось, то оживало. Пока эту дорогу строили, несколько раз успела поменяться городская власть, областная и даже правительство страны пару раз сменилось. Тех, кто когда-то эту дорогу начал строить, уже не вспоминали. Но за такое долгое время поменялись не только власти, но и нормы, стандарты и прочие требования к современной дороге. Короче, недавно за эту трассу взялись всерьёз, и Миша договорился, пробил и добился того, чтобы именно его фирма изготовила и установила все дорожные знаки в полном объёме на этой трассе, а ещё и сделала всю дорожную разметку. Дорожная же разметка была для Миши делом новым, ещё мало знакомым, но он видел много смысла и перспектив в том, чтобы кроме знаков заниматься ещё и дорожной разметкой. Петрозаводская трасса была первым его шагом в этом направлении. Он уже закупил необходимое для этого и очень дорогое оборудование.

– Миша. Они там чего-то стали мутить насчёт разметки, – слегка скривившись, сказал Лёня. – Кого-то нашли другого, вроде как дешевле. Я думал, хотя поторговаться и снизить

цену. Но вижу – нет. Скорее они кого-то своего толкают. Я им говорю, что всё уже решено. Пытаюсь строжиться, они трубку бросают. Миша, я вчера весь день на эти разговоры убил. Всё без толку. Они со мной не разговаривают...

– Значит, так! Они просто так, сами там ничего сделать не должны и не могут. Всё уже действительно решено. Ну вот с кем ты там разговаривал?

– С этим, как его? Николай... Чёрт, – Леонид замялся, открыл портфель и стал копаться в нём.

– Не трудись, Лёня! Это не важно. Те, с кем мы решали эти вопросы, и те, с кем я договаривался, тебе звонить не станут. А это так, возня. Ты зря нервничаешь. А если бы мне пришлось из-за каждого звонка, каждого мудака куда-то ездить, то что бы из меня сейчас было?

– А мне кажется, что необходимо срочно отреагировать, там очень... – начал быстро говорить Леонид.

– Не собираюсь реагировать! И звонить не буду, – оборвал его Миша. – И тебя прошу не дёргаться.

– Я вчера целый день на это убил! – уже сердито сказал Леонид. – Я не дёргаюсь, я просто высказал своё мнение.

– Я его услышал, – тоже резко сказал Миша. – И уже успел сказать своё мнение по этому поводу. Не надо лишних переживаний и нервов. Если ты понял, что с тобой этот вопрос обсуждать не хотят, значит, нечего туда и лезть. Значит, не твоего уровня вопрос. Понял?

– Я это как раз понял! – ответил Леонид, выпрямив спину. – Поэтому тебе всё это и излагаю. И считаю, что тебе надо подключиться, и срочно.

– А я считаю, что ты зря тратишь своё время и моё. Я не думаю, что мне нужно реагировать на все твои догадки и предположения, а уж тем более сломя голову мчаться в Петрозаводск или даже туда звонить. У меня умер близкий человек. Можно меня сейчас не отвлекать своими подо зрениями?

– Миша! Я тебе сочувствую, – сказал Леонид, вставая, – у тебя умер близкий человек. Это горе! Но жизнь на этом не закончилась. Мы все над этим проектом работали! Не ты один этот Петрозаводск...

Миша хлопнул ладонью по столу, Леонид даже вздрогнул.

– Всё! Достаточно! До понедельника я слово «Петрозаводск» слышать не желаю. И тебе запрещаю туда звонить. – Миша сделал паузу. Он сидел, Леонид стоял. – Что-то ещё? Неужели ничего, кроме этого Петрозаводска, нас не беспокоит?

Леонид посмотрел в окно и помолчал минуту.

– В остальном всё нормально. С людьми из Омска я вчера встретился сам. Там всё понятно. Время на подумать у нас есть. У них тема интересная. Работы там много и на несколько лет. Договорились окончательно встречаться в конце ноября. Но придётся лететь в Омск. Извини, Миша, я с тобой вчера связаться не мог и принимал решение сам.

– Всё правильно, но подробнее об этом в понедельник. А что ещё?

– Да мелочи, Миша. В понедельник, значит, в понедельник.

– Спасибо, Лёня, – вставая, сказал Миша, – сегодня в четыре должны немцы подъехать, я им назначал. Отменять уже поздно. Сам их встретить, ладно? – на этих словах Миша вышел из-за стола и подошёл к Лёне.

– Хорошо, сделаю, – сказал Лёня. – А тебе помощь никакая не нужна?

– Нет, Лёня! Ничего не надо. Просто побудь за меня до понедельника. И постарайся меня не дёргать, пожалуйста, в эти дни.

– Хорошо. Сделаю, – сказал Лёня и пожал протянутую Мишей руку, – держись! – Он пошёл к двери, но не дошёл и остановился. – А всё-таки с Петрозаводском я бы не тянул. Позвони хотя бы. Вот чувствую я, что...

– В понедельник! – оборвал его Миша.

– Ладно! – кивнул головой Леонид. – Может, ты и прав. Извини, – сказал он и вышел.

Миша остался стоять посреди кабинета. Его просто распирало от гнева и досады. Он уже успел пожалеть о том, что отругал Лёню. В Петрозаводске было всё очень непросто, и ему там помотали нервы, когда он туда ездил. С трудом ему досталась эта трасса, и Лёнина тревога была не напрасной. Сильно хотелось позвонить туда, наорать, поставить кого-нибудь на место. Делать этого, конечно, не нужно было ни в коем случае. Он и его фирма были сильно заинтересованы в этой дороге и в этой работе. Надо было выяснить, что там началась за возня в очередной раз. Но Миша боялся, что не сдержится и наломает дров, а разговаривать мягко и спокойно с суетливыми и хитрыми петрозаводскими чиновниками он сейчас не мог.

Миша выглянул из кабинета. Секретаря Валентины на месте ещё не было. Валентина, крупная дама сорока пяти лет, была очень ценным работником. Она работала у Миши уже шесть лет. Никогда ничего не забывала, всё содержала в идеальном порядке, слухов не распространяла, своим голосом, особенно в телефонной трубке, могла, кажется, успокоить буйно помешанного или террориста. Единственно, пунктуальность не входила в число её добродетелей. С мужем она развелась, сын учился в университете. Ценный работник.

Миша вернулся за стол, взял ручку, листок и задумался. Он любил писать списки дел и задач. Когда дела и задачи были написаны в столбик по порядку, по степени значимости и срочности, они становились более конкретными, менее сложными, более выполнимыми и нестрашными. Отдельно Миша писал список проблем, от этого проблемы уменьшались в размере и даже количестве. Такие списки он писал исключительно для личного пользования.

Он посидел, посмотрел на листок, покусал кончик ручки и наконец вывел в левом верхнем углу листа цифру 1 и поставил точку. Какое дело или задачу написать рядом с этой цифрой, он решить не мог. Так и сидел пару минут, глядя на единицу и точку.

Вдруг в дверь тихонько постучали, затем дверь приоткрылась, и Валентина заглянула в кабинет. Она, как обычно, широко улыбалась.

– Доброе утро, Михаил Андреевич, – своим удивительным голосом сказала она, – если что, я уже на месте. Газеты принесла, всю почту сейчас проверю. За вчерашний день ничего не случилось. Я всех, как вы просили, предупредила, встречи все перенесла. В связи с этим хотелось бы кое-что уточнить...

– Валя, дорогая! А Лёню ты почему не предупредила? Он мне с утра устроил истерику, говорил, что дозвониться до меня не мог, – сказал Михаил, сидя и всё ещё держа ручку в руке. Пока он говорил, Валентина зашла в кабинет.

– Михаил Андреевич! Разумеется, я его предупредила, что вас целый день не будет и что вас беспокоить не нужно. Вы мне сказали, что у вас случилась беда и что это личное дело, я так, по крайней мере, Леониду Михайловичу и передала. Остальным ничего такого не говорила. Мол, непредвиденные личные обстоятельства и всё. Перед всеми извинилась, никто не в обиде. Но Леонид Михайлович... Вы же сами знаете. Его ничем не остановить. Кофе вам сделать?

– Да. Сделай, пожалуйста. И водички холодной принеси, – подумав, ответил Миша.

– И простите, Михаил Андреевич. Вы бы сразу могли сказать, если вы уже знаете, как вы намерены сегодня трудиться? Вы сегодня на месте или как?

– Валюша, милая! Не знаю пока. Я, пожалуй, до понедельника даже если буду здесь, то для всех меня нет. Тут такая беда стряслась... – Миша прикусил нижнюю губу и пару секунд молчал. Валентина хорошо знала Юлю. Юля даже помогала Валиному сыну поступить в университет. Мише очень не хотелось сейчас говорить на тему вчерашнего. – Вчера утром, точнее, ночью... Юля... Юлия Николаевна умерла. Я не стал вчера говорить, знал...

Валентина резким движением закрыла рот обеими ладонями и приглушённо вскрикнула.

Она Юлю знала хорошо. Они даже приятельствовали. Когда-то, года четыре назад, Миша помогал Юле делать дома ремонт. Помогал деньгами и организационно. Точнее, Валентина тогда занималась организационными вопросами и созданием у Юли иллюзии, что это Юля сама оплачивает ремонт, а этот ремонт стоит совсем недорого. Тогда они и подружились. А с Юлей невозможно было не подружиться.

Валентина долго плакала, пила таблетки, не могла отвечать на звонки, несколько раз уходила в туалет умываться.

– Как же это? Мишенька, как это – умерла? – вытирая и вытирая лицо мокрым платочком, говорила Валентина. – Что с ней случилось? Инфаркт? Инсульт? Мишенька! Горе-то какое!

Миша ничего не говорил. Он знал, что сказать Валентине правду можно, но это была не только его тайна. Он и не говорил правды. Умерла дома, скоропостижно – и всё. Валентина то успокаивалась, то снова плакала. Миша сидел с ней рядом у её рабочего стола.

– Валя, пойдём ко мне, покурим, – наконец предложил Миша.

Они сидели у него в кабинете и некоторое время молча курили.

– А Юлечка мне на прошлой неделе звонила, – тихо сказала Валентина, – и на позапрошлой неделе звонила пару раз. Да! Во вторник она звонила на прошлой неделе. Шутила, говорила, что взяла отпуск. Собралась, говорила, в Италию.

– Она тебе звонила? – удивился Миша. – А почему ты мне не сказала?

– Михаил Андреевич! Простите, но она звонила мне. Звонила вечером, просто поболтать.

– Валечка! Конечно... Извини... Но ты могла бы мне подробно рассказать, о чём вы говорили? Мне это очень важно.

– Михаил Андреевич, ничего важного мы не обсуждали. Просто Юля мне позвонила, и мы поболтали. Поговорили две немолодые женщины.

– А ещё раньше зачем она тебе звонила?

– Мишенька, что за вопросы? Теперь-то зачем?

– Поверь, именно теперь это очень важно. Мне нужно знать, зачем она звонила, как разговаривала, не почувствовала ли ты чего-нибудь странного в том, как Юля говорила, о чём говорила...

– Не припомню ничего странного. Разве что только Юля сама звонила и просто хотела поговорить. Много спрашивала обо всём. Да нет, Михаил Андреевич. Ничего необычного. Но то, что вы меня об этом спрашиваете, это действительно меня удивляет. Что случилось? Не пугайте меня.

Миша взял вторую сигарету подряд, подержал её в руках, подумал и закурил. Так они сидели несколько минут молча. Валентина ждала.

А потом Миша рассказал ей всю правду, которую знал. Валентина вся сжалась, сидя на стуле, обхватила голову руками и покачивалась, не проронив ни звука. Телефон за дверью кабинета надрывался, но они не обращали на него внимания. Мишин телефон тоже звонил несколько раз, но Миша выключил звук.

Валентина некоторое время была в оцепенении. Они ещё покурили, потом пили кофе. Она рассказала, что Юля звонила, просто расспрашивала, как дела у её сына Алёши, как он учится, нравится ли ему. Ещё она спрашивала, как дела на фирме, как дела и как настроение Миши. Ещё о чём-то говорили. Юля была как Юля, ничего особенного ни в её голосе, ни в том, как она говорила, Валентина припомнить не могла. Необычным было только то, что Юля позвонила три раза за десять дней и позвонила только чтобы поболтать. Она жаловалась на то, что её мучили мигрени, но они её всегда мучили. Сколько Миша Юлю помнил,

её всегда мучили мигрени. Валентина вспомнила, что Юля сильно кашляла, извинялась и говорила, что старается меньше курить, вот и кашляет. Но Юля всегда старалась меньше курить и всегда кашляла. Нет, ничего особенного в тех её звонках Валентине не было.

Валентина рассказала всё, что вспомнила, и они пару минут сидели молча. Телефон продолжал звонить.

– Странное дело, – нарушил тишину Миша, – ужасно тревожно себя чувствую. Надо что-то делать, как-то надо что-то организовать. Володя уехал к отцу, вернётся вечером. Что-то делать нужно, у неё же никого не было.

– Что ты имеешь в виду, – щурясь опухшими глазами, спросила Валентина, – похороны, поминки?

– Ну да... Ну и то, что положено в таких случаях. Я не знаю...

– Не волнуйся, Мишенька, – это дело житейское, люди давно уже умирают. Дело обычное. Куда Юлю увезли?

– В морг... я не знаю... Володя знает.

– Дай мне его телефон, я подключусь. А ты езжай домой.

– Нет, вот домой, Валюша, я ехать не могу. Я лучше здесь посижу, мне надо подумать.

– Хорошо, посиди. Но только здесь я тебя от всех скрыть не смогу, кто-нибудь да провётсЯ. Ну так что, Мишенька, можно я всё разузнаю и позанимаюсь Юленькой. Пожалуйста, мне так только легче станет.

– Только Бога ради, Валя, никому не слова про...

– Вы ещё очень юный и неопытный человек, Михаил Андреевич. Не пытайтесь меня сейчас обидеть. Вам понятно?

– Прости, Валентина... Прости, не подумал, что говорю.

Он снова остался один и снова уставился на единицу с точкой на чистом листе. Нестерпимо хотелось действовать, что-то делать, но было совершенно непонятно, что именно делать и как действовать. Ещё очень хотелось уйти из кабинета и уехать куда-нибудь. Но только было ясно, что ехать совершенно некуда.

Он вдруг удивился тому, что ему совершенно никуда не хочется поехать. Не было такого места, где ему стало бы лучше или спокойнее из-за самого места. Мише стало ясно, что во всём огромном городе, во всей колоссальной столице у него нет по-настоящему любимого и дорогого ему места. Места, куда можно было бы поехать сейчас. Были только работа и дом. «А куда ещё? Не в спортзал же? – подумал он. И тут же ещё подумал, что в спортзал было бы даже лучше, чем домой. – Посидеть в сауне, а потом душ – было бы неплохо, совсем неплохо. Чёрт возьми, о чём я думаю!» – оборвал он сам себя.

А Валентина за дверью говорила по телефону своим совершенно обычным умиротворяющим голосом. Будто полчаса назад она не плакала. Она, конечно, была бесценным работником.

Миша встал, потому что уже не мог сидеть и смотреть на чистый лист бумаги и на бессмысленную единицу в углу этого листа. Он вставал и не знал, что будет делать дальше, но тут Валентина без стука открыла дверь в кабинет.

– Миша, я вспомнила, – сразу сказала она, – я же Юлю ещё в июне устраивала к психотерапевту. Только что вспомнила.

– Я об этом ничего не знал, – почти радостно сказал Миша, – рассказывай.

– Да тут и рассказывать практически нечего. Она к нему не стала ходить. Сходила пару раз, кажется, и ходить не стала.

– Всё равно рассказывай. Валя, пожалуйста, всё и подробно.

И Валентина рассказала, что как-то давно, больше года назад, в конце позапрошлого лета, Юля приехала к Валентине на дачу. Валентина устроила своему сыну Алексею весёлый день рождения. Были тогда на даче Алёшины приятели, несколько девушек. А Юля приехала

на помощь и в качестве гостя. Весело поужинали. Молодёжь тогда оставили веселиться на даче дальше, а Валентина с Юлей решили им не мешать, поехали в город. Это Юля придумала отвалить. Валентина сказала, что сама так мудро не поступила бы.

И вот тогда, когда они ехали домой, Валентина была за рулём, ехать было долго, речь зашла о психотерапевтах. Валентина не вспомнила, как эта тема всплыла, но вспомнила, что Юля очень иронизировала по этому поводу. Валентина же рассказала про нескольких своих подруг, а подруг у неё было очень много. Подруг самых разных возрастов, профессий, достатка и с очень сложными судьбами. Так вот, она рассказала, что несколько её подруг, сначала одна, потом ещё несколько, ходили к психотерапевту, и все остались очень довольны, а некоторые до сих пор ходят. Юля стала язвить, а Валентина обиделась за своих подруг и сказала, что все они не девчонки, не бездельницы и что все они содержательные люди. Но все они что-то полезное для себя в этих визитах нашли, и им стало легче. А кому-то это здорово помогло. Во всяком случае, их как минимум кто-то выслушал и не отнёсся к их проблемам как к чепухе. И все говорили, что главное решиться и почувствовать доверие. Валентина сказала тогда Юле, что толком не знает, что там происходит на этих сеансах у психотерапевта, но и сама бы сходила, если бы почувствовала необходимость, а когда такая необходимость была, она ещё не знала про то, что можно пойти к такому специалисту. Юля тогда её выслушала и сказала, грустно шутя, что у неё есть опасение, что она давно уже является психотерапевтом для очень многих, только ей не платят. Валентина сказала, что она тогда тоже её коллега. Обе посмеялись.

– А в июне Юля мне позвонила, – продолжала Валентина, – спросила, не помню о чём, а потом вдруг поинтересовалась тем самым психотерапевтом. Я удивилась. Уж про медицину и околomedicine она знала всё. Но Юля сказала, что на работе никто не должен знать даже то, что она в принципе таким вопросом интересуется. Я спросила: «Что, засмеют?» А она сказала, не должны знать – и всё. Я пообещала узнать. Узнала у подруг, кто, что и как, перезвонила и рассказала ей. Дней через десять я Юле сама уже позвонила и поинтересовалась, как, мол, психотерапия, ходила ли она, довольна ли. Юля сказала, что ходила и поняла, что это точно не для неё. Сказала, что сам психотерапевт ей показался идиотом, пижоном и шарлатаном, который нуждается в участии психиатра. Ещё Юля сказала, что она не понимает, кем надо быть, чтобы ходить к такому специалисту. Она намекала на моих подруг и явно сердилась. Я тогда огорчилась и обиделась. Правда, Юля в тот же вечер сама перезвонила и извинилась, сказала, что была не в духе, наговорила мне лишнего. А про психотерапевта сказала, что это была просто плохая идея. Вот и всё.

Миша внимательно выслушал Валентину.

– Валечка, пожалуйста, выясни у подруг, что это за психотерапевт, как его зовут и прочее, – чувствуя нетерпение и азарт, сказал Миша, – я очень хочу с ним переговорить.

– Когда выяснить, Михаил Андреевич?

– Немедленно. То есть прямо сейчас, пожалуйста!

Валентина вышла и закрыла за собой дверь. Миша потянулся за сигаретами, но передумал. Азарт и надежда прямо-таки переполняли его. Он сел за стол, взял ручку и быстро записал на листке:

«Поговорить с психотерапевтом.

Поговорить с Юлиными коллегами, лучше всего с Борисом Львовичем.

Ещё подробнее поговорить с Володей.

Постараться поговорить со следователем».

Миша написал это, подумал и ниже этого списка написал:

«Сегодня дать Валентине задание поднять всю документацию по Петрозаводску. Завтра с утра позвонить в Петрозаводск».

Под этой записью Миша провёл жирную, почти горизонтальную и прямую черту. Только тогда он взял сигарету и с удовольствием закурил.

* * *

Валентина довольно быстро разузнала, как зовут того самого психотерапевта, адрес места, где он принимает своих пациентов, и телефон. Звали этого человека Юрий Николаевич Горячий. Принимал он на Пятницкой в частной квартире.

Миша попросил Валентину позвонить туда. Автоответчик некоторое время говорил жизнерадостным мужским голосом: «Мы сейчас весьма заняты...» – ну и так далее. Валентина уже узнала также, что психотерапевты никакой информации о своих пациентах не дают и что-либо расспрашивать по телефону бесполезно и бессмысленно. Они решили с Мишей, что надо дозвониться и постараться записаться к нему на приём, а лучше просто договориться о встрече.

Валентина набирала и набирала его телефон, а Миша изнемогал от нетерпения. Почему-то он почувствовал полную уверенность в том, что разгадка совсем близка и что господин Горячий обязательно поможет понять и найти ту самую причину. Миша представить себе не мог, чтобы Юля... – Юля!.. – могла пойти к психотерапевту. Для этого должна была быть очень серьёзная причина. И эта причина должна была прояснить многое, если не всё.

Наконец Юрий Николаевич Горячий ответил. Миша подбежал к Валентине, а она замахала на него рукой, сделала страшные глаза и прогнала его в кабинет. Так она всегда делала, когда нужно было кого-то уговорить, убедить, извиниться или наврать. Она могла всё это делать, будучи один на один с телефоном. При свидетелях её голос не звучал так мягко, дружелюбно, чуть виновато и обволакивающе. Валентина признавалась, после особенно удачно проведённых разговоров, что, когда начинает говорить, ещё не знает, что будет говорить дальше. Но чем сложнее задача стоит перед разговором или чем сильнее надо соврать, тем лучше у неё получаются импровизации, тем богаче звучит её голос и тем успешнее завершается разговор. Но при свидетелях она ничего не могла.

Миша ушёл в кабинет и ждал, стараясь смотреть в окно. Валентина говорила чертовски долго, минут десять. А Миша удивлялся тому, что уже второй день ничего практически по работе не делает, но ничего при этом не рухнуло, не сорвалось никакое дело. Если бы не стряслось то, что стряслось, работал бы он в поте лица, не было бы свободного времени, были бы телефонные звонки, встречи, люди какие-то. А тут он в работе не участвует. И ничего страшного. Это было странно и неожиданно. Он даже не понял, нравится ему это или нет.

Валентина зашла в кабинет, закрыла за собой дверь, потому что телефон у неё на столе снова зазвонил.

– Поговорила я с господином Горячим. С ним можно встретиться в четырнадцать тридцать. Прямо у него в кабинете. Он тебя примет, – сказала Валентина, подмигнула и даже слегка улыбнулась.

– Как это примет? Валюша, примет как кого, как пациента? Что мне нужно ему говорить?

– Михаил Андреевич, вы лучше послушайте, что я ему сказала. Этот Горячий ещё тот деятель. Он мне сразу сказал, что до декабря у него нет никакой возможности меня принять.

– А при чём здесь ты, Валюша? Мне самому нужно с ним встретиться, – чувствуя, что от нетерпения туговато соображает, сказал Миша, – или ты сама собираешься к нему ехать?

– Мишенька, дослушайте меня, пожалуйста, – сказала Валентина и выждала короткую паузу. – Я сразу поняла, что будет сложно с ним встретиться с наскака. А искать каких-то его друзей, подруг, чтобы поговорить в его свободное время, – дело долгое, а может, и бес-

полезное. Этот Горячий человек пафосный. Он сразу столько мне всякого своего профессионализма выдал, что я ему такого наплела, что вот, через полтора часа можно встречаться, – она замолчала и явно ждала вопроса.

– Ну! Ну говори, чего наплела, – сразу спросил Миша.

– Я сказала ему, что его рекомендовали как исключительного специалиста, что у нас, в свою очередь, исключительная просьба и предложение.

– Какое, Валюша?!

– Михаил Андреевич, простите, но я сымпровизировала. Сама не ожидала. Я сказала, что мы снимаем кино, и у нас возник ряд вопросов, нужна консультация. Я даже не помню точно, что ещё нагородила ему. Короче, он сказал, что у него есть сорок минут, чтобы встретиться в 14.30.

– Какое кино? Что ты такое нагородила?

– А я его предупредила, что приеду не сама, – сказала, разведя руками, Валентина, – сказала, что приедете вы. А вы главный. Он, конечно, был разочарован, что приеду не я. Но я его успокоила и сказала, что я не могу, мне уже сорок пять и мне тяжело будет к нему подниматься по лестнице. У него пятый этаж. Знаешь, Миша, он всё время шутил и сам над своими шутками посмеивался.

– Ну и как мне с ним теперь разговаривать? – грозно спросил Миша.

– Мишенька, опомнись! Как разговаривать? Какая разница! Речь идёт о Юленьке. Придешь к нему и поговоришь. Что ж, он не скажет, думаешь? Думаю, скажет. Так что я доби-лась того, что вы просили. Вам же нужно было срочно. Пожалуйста! – Валентина горько усмехнулась. – А на кино он купился. Все хотят в кино. Я бы тоже купилась. Хорошая вышла ложь. Виртуозная.

– Ну ты даешь! – только и смог сказать Миша. – Да-а-а...

– Я вам напишу на листочке его адрес, телефон и объясню, как к нему заходить, – сказала, выходя из кабинета, Валентина. Её телефон снова звонил. – Там всё непросто. Надо подъехать, набрать его, и он встретит. Там тайны мадридского двора. Алё, – последнее она сказала уже другим голосом и в телефонную трубку, закрывая дверь в кабинет.

Миша стоял у своего стола. Он ещё раз посмотрел на список дел и проблем, взял маленький листочек, написал на нём телефон Володи, подписал рядом с номером: «Юлин брат». Через минуту он вышел из кабинета. Валентина говорила по телефону. Она попросила прощения у тех, с кем говорила, прижала трубку к груди и вопросительно посмотрела на Мишу.

– Вот номер телефона Володи, – сказал Миша, почему-то громким шёпотом, будто опасался, что его услышат говорившие с Валентиной неведомые ему люди, – позанимайся, пожалуйста. И ещё. Подними все документы и всю переписку по Петрозаводску. Там опять какая-то возня. Всё, поехал. Поговорю с доктором Горячим и позвоню.

Валентина выразительно кивнула, молча протянула ему листочек с адресом и телефоном доктора, оторвала телефонную трубку от груди и помахала Мише свободной рукой.

– Простите, Бога ради, я уже вас слушаю... – услышал Миша, выходя в коридор.

Он спускался по лестнице и думал, что надо бы узнать, какую Валентине платят зарплату в последнее время, и надо бы эту зарплату увеличить в любом случае.

* * *

Пока Миша ехал на Пятницкую по указанному адресу, он позвонил жене. Аня спросила, что и как, Миша сказал, что всё идёт своим чередом, что про то, как и когда они будут прощаться с Юлей, он узнает к вечеру, что беспокоиться не стоит и что он до сих пор не

знает, во сколько вернётся. Аня ответила, что она будет его ждать, попросила его держаться и, по крайней мере, о детях и о ней не беспокоиться.

До Пятницкой Миша ехал долго. Движение было сильное, а значит, медленное. Телефон его, обычно в это время суток звонивший почти непрерывно, в этот раз не беспокоил его. Миша ехал и вновь и вновь вспоминал свой последний разговор с Юлей у неё на кухне. Он перебирал эти воспоминания и всё пытался найти что-нибудь в Юлином поведении такое, что могло бы хотя бы намекнуть ему на то, что с Юлей было уже не так. На то, что в ней уже просматривалась какая-то тень надвигающегося страшного шага.

* * *

Тогда они сидели у Юли на кухне. За окном шёл довольно холодный майский дождик. Весна сильно запаздывала и всё никак не могла разыграться в полную силу.

Юля говорила, что день рождения прошёл хорошо, что на работе её поздравили весело, дружно и даже сделали остроумную газету, которую она Мише потом обязательно покажет. Она сказала, что ещё пару дней после самого дня рождения её поздравляли, всё несли и несли цветы, и что Миша наконец-то последний, и можно точно закончить принимать подарки, цветы, можно ничего уже не ждать, а жить дальше, как обычно, и что это хорошо. Она сказала, что очень боялась, что ей подарят котёнка или щенка, всех предупредила, чтобы этого никто не делал ни в коем случае, потому что догадалась, что на работе именно это сделать и собираются. Сказала, что не может пока, после своего покойного кота, какое животное принять у себя в доме и не сможет никого так полюбить.

Тогда она ещё расспросила про Мишины семейные дела, про детей. Сказала, что надо бы ей как-то к Мише заглянуть, всех посмотреть.

Встретила Юля Мишу в своём обычном фланелевом домашнем халате. Была как всегда. К коньяку, что принёс Миша, Юля поставила на стол тарелочку с подсохшим сыром и блюдец, на котором лежала половинка увядшего лимона. Всё это она быстро покромсала ножом. Ещё принесла коробку, очевидно, оставшихся от дня рождения конфет. Всё было как всегда и как обычно. Только телефон Юлин не звонил постоянно, пару раз, буквально, кто-то позвонил, Юля отвлеклась ненадолго – и всё. А раньше, помнил Миша, ей звонили и звонили постоянно.

Они сидели тогда. Юля своим голосом, своим кашлем и хриплыми усмешками быстро Мишу успокоила. Так они сживали много вечеров в течение многих лет. Выпили. И Миша, как раньше, стал рассуждать, делиться планами, хвастаться. Только Юля так его слушала. И в тот вечер она тоже его слушала внимательно. А Миша был тогда сильно увлечён новой для него темой. Как раз он только начал заниматься дорожной разметкой, уже всё про это знал, понимал и даже был в процессе покупки оборудования.

– Удивляюсь, почему же я раньше этой темой не заинтересовался, – после третьей рюмки коньяку на голодный желудок говорил Миша, Юля курила и слушала. – Это же лежало на поверхности... Ха! Точно! Разметка лежит на поверхности... Да... Это же так просто! Разметка дорог в нашей стране и в нашем климате – это же навсегда. Это работу искать не надо! Да все в очередь ко мне будут стоять. Сколько держится разметка на асфальте? Не знаешь! Конечно, теперь уже полосы на дороге рисуют не краской и не кисточкой. Есть уже очень стойкие материалы, и техника появилась просто фантастическая. И фантастически дорогая, между прочим. Но всё равно, каждый сезон надо разметку обновлять. Климат такой. Да и машин уж очень много! А меньше их не станет, мы не дождёмся. Юля, представляешь, я узнал такую штуку! Оказывается, на Кутузовском или на Ленинградке за год в двух левых полосах движения просто колёсами автомобилей съедается... ну, то есть вытирается, два с половиной – три сантиметра асфальта. Каждый год! Какая там, к чёрту, раз-

метка?! Любая сотрётся, будто и не было. Если зайти на эту тему, а я знаю, как туда зайти, то можно не бояться за спокойную старость. Пока будут дороги, работа будет постоянно. Представляешь?!

– Не представляю, – выпуская дым, сказала Юля. – Ты уже думаешь про спокойную старость? Рановато, дружок!

– Юля, не цепляйся к словам, пожалуйста! Ты всё время так говоришь, будто не понимаешь меня. Я всё время чувствую себя с тобой мальчишкой каким-то. А то, что я тебе рассказал... Я над этим, между прочим, уже давно тружусь, и в этом задействовано много людей и много денег. Это, знаешь, не художественная самодеятельность.

Миша всегда чувствовал, что сам разговаривает с Юлей, как мальчишка, ничего поделаться с этим не мог, и ему это даже нравилось.

– Миша, наливай. Наливай и не говори при мне про спокойную старость, для таких разговоров я ещё не готова. Вот разменяю шестой десяток, вот тогда поглядим, на какие разговоры меня потянет. А пока уволь.

Они ещё выпили, ещё о чём-то говорили.

– Ой, кстати, – вдруг встрепенулась Юля, – я тут перебирала твои рисунки. Смешно! Давно их не смотрела. Юношеские, наивные, но есть и несколько хороших. Хочу их даже оформить, вставить в рамки и повесить. Ты не против?

– Да делай с ними, что хочешь, – скривился Миша, – только если ты их тут повесишь, я к тебе вообще приходить не буду.

Все Мишины рисунки студенческого времени и времён репетиций в гараже остались у Юли. Юля их берегла. Миша не рисовал уже давно и не любил свои старые рисунки, в которых было много юношеской романтики, символов и многозначных деталей. Он не хотел их видеть, как не хотел вспоминать свои стихи того же самого периода. Миша знал, что Юля где-то хранит и две его тетрадки с этими стихами.

* * *

Ничего особенного в том разговоре Миша не нашёл и не вспомнил. Он подумал только, что надо бы, наверное, свои рисунки и тетрадки забрать из Юлиной квартиры. Теперь они стали никому не нужны. Миша не думал о том, что они нужны ему. Просто Юля их почему-то берегла многие годы.

Он подъехал по указанному адресу чуть раньше времени. Пятиэтажный некрасивый дом выходил не на улицу, а прятался во дворе. В нужном ему подъезде, на первом этаже, располагались нотариальная контора и риэлтерская фирма. Вывески психотерапевта он у подъезда не нашёл. И подумал, что такой вывески и не должно быть.

Миша посидел, подождал. Он чувствовал волнение и какую-то заторможенность одновременно. Всё, чем была наполнена повседневная жизнь, все многочисленные детали, объекты интереса и внимания, многочисленные люди, новости и международные события, погода, звуки, запахи – всё отступило, притупилось и не отвлекало. Слишком много всего происходило внутри. Миша чувствовал, что начинает уставать от интенсивности переживаний и воспоминаний.

Но назначенное время приближалось, и азарт плюс волнение победили все остальные чувства.

Ровно в 14.30 он набрал телефон психотерапевта. Ему показалось, что сердцебиение будет слышно даже в голосе. Ладони вспотели.

– Да-а-а! Я вас слушаю, – очень жизнерадостно прозвучал в трубке приятный, может быть, только чуть высоковатый, на Мишин вкус, мужской голос.

– Здравствуйте! Юрий Николаевич, вы мне назначили на четырнадцать тридцать. Я у дома.

– Вы весьма пунктуальны. Это очень приятно. Через минуту я спущусь за вами, приходите к двери.

– Спасибо! – робко сказал Миша.

– Пока не за что, – ответил ещё неведомый психотерапевт и отключился.

Миша вышел из машины, подошёл к двери, достал сигареты и хотел закурить. Но психотерапевт, сказав про одну минуту, буквально выполнил своё обещание. Дверь подъезда открылась, и психотерапевт материализовался для Миши в виде довольно молодого, невысокого мужчины с круглым лицом и очень здоровым цветом этого лица. Лицо улыбалось.

Миша успел рассмотреть, что психотерапевт был тщательно выбрит и одет в светлую рубашку и серую, мягкую кофту на пуговицах. Всё было очень аккуратным. В том числе и причёска. Короткие, редкие светлые волосы были бережно причёсаны. Миша сразу подумал, что Юрий Николаевич Горячий – его ровесник или даже моложе его. Мише сразу стало легче.

– Здравствуйте, – сказал психотерапевт, – заходите, пожалуйста.

– Здравствуйте, Юрий Николаевич, – сказал Миша и зашёл в подъезд.

– А вас, простите, как называть?

– Михаил Андреевич. Можно просто Михаил.

Они стали подниматься по лестнице.

– Вы простите за такие сложности, – говорил Юрий Николаевич. – Можно было бы просто зайти и подняться, но у нас существуют такие правила, – слова «у нас» прозвучали особенно значительно, – люди, которые к нам ходят, не должны встречаться друг с другом. Многие этого и сами не желают. Так что я провожаю людей через чёрный ход и сам встречаю, как встретил вас. Такая вот простая и необходимая процедура и специфика. Если вас, конечно, интересуют такие детали. А почему вы так волнуетесь? Не волнуйтесь! Это мне в пору волноваться, – сказал Юрий Николаевич и сам себе хохотнул.

Он ещё что-то говорил, пока они поднимались по лестнице на пятый этаж, и слегка запыхался. Юрий Николаевич был самую малость полноват. Но довольно подвижен. В почти чистом подъезде пахло кошками. Этот запах успокоил Мишу ещё больше.

Наконец они поднялись, Юрий Николаевич ключом открыл тяжёлую дверь и пропустил вперёд Мишу, затем зашёл сам. В просторной прихожей стоял маленький кожаный диван, вешалка и было безупречно чисто. В рамках по стенам висели какие-то дипломы и ещё что-то вроде дипломов. В прихожей было несколько дверей. Все были закрыты.

– Проходите, снимайте пальто и проходите, – сказал Юрий Николаевич и открыл перед Мишей дверь, которая была строго напротив входной.

Миша снял своё лёгкое тёмно-серое пальто и остался в костюме, рубашке и галстуке. Он уже давно одевался так на работу, иногда удивляясь тому, как он ловко завязывает галстук и совершает утром выбор пиджака и рубашки совершенно автоматически. Он удивлялся этому, иногда вспоминая, что, казалось бы, недавно у него и пиджака-то не было, не говоря уже про галстуки и десяток пар строгой обуви.

Миша вошёл в просторное, квадратное, наглухо зашторенное помещение. Стены были какие-то коричневые, шторы тоже, письменный стол, кресла и диван тоже коричневые. В помещении было свежо и ничем не пахло. Свет был какой-то вечерний, на стенах не висело ни одной картинки. Это всё Мише понравилось.

– Ну-с, ещё раз здравствуйте, Михаил, – сказал Юрий Николаевич и протянул Мише свою маленькую, аккуратную, и, как выяснил Миша, пожимая её, очень мягкую руку.

– Здравствуйте, – сказал Миша и виновато улыбнулся.

– А вы совершенно не похожи на творческого работника, – всё ещё держа Мишу за руку, сказал психотерапевт, – и ещё мне непонятно, почему вы так волнуетесь. Я не психиатр,

не бойтесь, – и он хохотнул, отпустил Мишину руку, указал на кресло перед письменным столом и посмотрел на великоватые для его руки золотые и дорого выглядящие часы, – у нас есть верных тридцать минут. Я думаю, мы многое можем успеть.

Юрий Николаевич прошёл за стол, сел, подтянул к себе листок бумаги, взял ручку и тут же её положил и хохотнул.

– Простите, привычка, – сказал он и снова хохотнул. – Ну-с, мне очень любопытно, кто меня вам порекомендовал, и ещё любопытнее, чем я могу быть вам полезен.

Миша почувствовал, что, несмотря на то что в комнате свежо, он потеет, и на лбу выступили капли. Он выругал себя за отсутствие привычки носить с собой всегда носовой платок и хотел вытереть пот рукой, но Юрий Николаевич опередил его.

– Возьмите бумажный платок, если хотите, – сказал он, открыл какой-то ящик стола со своей стороны и протянул пачку бумажных платков Мише.

– Спасибо, – Миша взял пачку, вынул платок, развернул его и долго вытирал лоб и нос. Он собирался с мыслями и духом, а Юрий Николаевич ждал и улыбался.

– Простите... – начал Миша, замялся и коротко откашлялся, – мне... и не только мне одному очень нужна ваша помощь, – он опять остановился, попробовал смотреть в глаза Юрию Николаевичу и не смог. – Поверьте, если бы не ужасная трагедия и не необходимость с вами срочно встретиться...

Простите, я очень боюсь, что после того, что я вам скажу, вы не станете со мной разговаривать.

– А вы не бойтесь, – услышал Миша, – то, что вы не кинематографист, мне уже понятно. Но мне всё ещё любопытно, зачем дама по имени Валентина обманула меня и что вас ко мне привело, – звучал голос вполне спокойно.

– Простите, пожалуйста, за эту ложь. Я не хотел к вам попадать обманным путём, но срочность и трагические обстоятельства вынудили... Это не я придумал насчёт кино... Это, конечно, дикая выдумка и очень некрасиво...

– Если вы хотите что-то узнать о ком-то из моих клиентов, то вам придётся немедленно уйти. Немедленно! – это прозвучало очень холодно и решительно.

– Простите! – Миша чуть повысил голос и всё-таки поднял глаза. – Дело в том, что одна ваша пациентка позапрошлой ночью совершила самоубийство.

Возникла пауза, лицо Юрия Николаевича практически не изменилось, только глаза его слегка прищурились и губы напряглись.

– Вы меня хотите в чём-то обвинить? Что вы себе позво... Кто она? Как её зовут? Боже мой... – теряя суровость, сначала медленно, а потом быстрее заговорил Юрий Николаевич, – это действительно трагедия. Как её имя? Не тяните...

– Ещё раз простите, – пользуясь моментом, быстро заговорил Миша, – вы, может быть, её не вспомните сразу, она бывала у вас давно. В июне. Я знаю, что она приходила к вам всего несколько раз, а то и меньше. Так что вашей пациенткой она в полной мере не была.

– У меня нет пациентов. Я же вам сказал, я не психиатр. У меня клиенты, – резко отреагировал Юрий Николаевич, – всё равно, скажите имя.

– Юлия Николаевна Гордеева, – почти выпалил Миша, – это очень важно. Она ушла из жизни позапрошлой ночью, никакой записки не оставила...

– Остановитесь, – оборвал его Юрий Николаевич, – хватит. Вы хотите, чтобы я помог вам выяснить причину её самоубийства? Наверное, совесть вас мучает, кто вы ей? А?! Да это не важно, – его голос очень изменился, стал резче и выше. И лицо его заметно покраснело. – Даже если бы я что-то знал или догадывался, вам бы я ничего не сказал, особенно после такой наглой и вероломной выходки и лжи. Но сказать мне вам нечего! Такой клиентки у меня не было. Возможно, если бы она моей клиенткой была, то мы с вами не познакомились бы, и всё было бы хорошо.

– И всё же простите, но мне достоверно... – начал Миша.

– Ай, бросьте вы, – махнул на него левой рукой Юрий Николаевич. Часы его сверкнули при этом. – Помню я вашу Юлию Николаевну Гордееву. Она пришла ко мне один раз, пробыла здесь меньше пятнадцати минут. Была очень напряжена, дерзко шутила, не стала отвечать на стандартные и обычные вопросы, язвительно извинилась и ушла. Это всё. И об этом я сказать могу. И слава богу, что мне больше нечего вам сказать, и это правда. А теперь уходите. Ко мне скоро придёт клиент. Хороший, честный и порядочный человек. Мне нужно успокоиться. А вы меня рассердили и оскорбили своим...

– Но как же вы запомнили её имя, если она была у вас давно и только раз, – искренне удивился и не поверил сказанному Миша.

– Во-первых, это профессиональные навыки, во-вторых, Юлия Николаевна Гордеева и Юрий Николаевич Горячий – довольно созвучно, в-третьих, как мне ни горько это вам сказать, ваша Юлия Николаевна, не знаю, кем она вам приходится, вела себя довольно оскорбительно. Вот! Я вам сказал больше, чем был должен, и намного больше, чем собирался. Но я немного отыграюсь. – Юрий Николаевич встал, Миша тоже. – Никакой срочности в том, что вы хотели узнать, нет и быть не может. Вы просто хотите срочно успокоиться. Хотите снять с себя вину и успокоиться. Не выйдет! Я вам в этом не помощник. Прощайте.

– Ещё раз простите, – выходя в прихожую, сказал Миша, – но вы не правы.

– У вас, наверное, все, кроме вас, не правы, – услышал он, уже надевая пальто.

Миша хотел выйти на лестницу, быстро спуститься и выскочить на воздух, но входная дверь была закрыта. Возникла нелепая заминка, пока Юрий Николаевич шёл к двери, позвякивая ключами, и долго, сопя, открывал дверь. Они молчали. Дверь наконец открылась.

– Ещё раз простите, – быстро сказал Миша, вышел в дверь и побежал по лестнице вниз. Дверь за его спиной сразу гулко закрылась.

Он выбежал из подъезда, беззвучно прошевеливая губами ругательства, сел в машину, выехал из двора, и только остановившись на первом светофоре, задумался, куда ему ехать. Пока горел красный сигнал, Миша ничего придумать не смог. Он проехал по улице немного, увидел свободное место и остановился. Всё это время он страшно ругал про себя и Юрия Николаевича, и всех психотерапевтов вместе.

«Сволочь, сволочь, – думал Миша и даже ударил по рулю рукой. – Высокомерный козёл! Что он понимает? Этаким, блядь, гений! Насквозь он всех видит! Обидчивый какой! Обманули его, видите ли! Профессиональные навыки у него, специфика у них, сссука!»

Миша стал искать сигареты, но сначала нашёл в кармане брюк пакет с бумажными носовыми платками. Он захотел их немедленно выкинуть в окно и даже окно открыл, но не выкинул. Миша достал один платок, пачку бросил на соседнее сиденье и стал вытирать лицо, а потом руки.

«А он ведь, падла, прав! Прав этот Юрий Николаевич, – думал и думал Миша. – Успокоиться я хочу. Успокоиться, и срочно. Только чего в этом плохого-то? А?! Юрий Николаевич, чего тут плохого? А вот насчёт совести, тут уж вы ошибаетесь! Чёрта с два вы тут правы! Тоже мне, усовестил! Как глупо! Как глупо всё!» – Миша наконец нашёл сигареты и немедленно закурил, хотя в машине обычно он не курил никогда из-за жены и детей, из-за запаха, из аккуратности и стремления курить поменьше. «А я-то, я-то куда полез? Тоже мне частный детектив! Мямлил там перед ним: «Это нужно мне, и не только мне», «Это не я придумал про кино», – Миша, вспоминая свои слова, даже соорудил жалкую рожу. – Да, мне это нужно! Только мне, и никому больше. И ещё оправдывался, как пацан, как дурак».

Миша курил, выпускал дым в открытое окно и стряхивал туда же пепел. Ему было очень тошно. Ещё ему было ясно, что ничего нового он не узнал, и все его надежды оказались совершенно напрасными. Но в данном случае отсутствие информации не было информацией. Он чувствовал, что уязвлён, что не прав, но не понимал, в чём именно не прав. Ещё

он отдавал себе отчёт в том, что этот психотерапевт ему не понравился, но ничего плохого он не сделал ни ему, ни, как выяснилось, Юле. Он вообще ничего плохого не сделал. Просто он, Миша, сам полез туда, куда не лазил никогда, вот и получил сразу. Миша и сам себе в этой ситуации не нравился. Но круглое лицо, голос и золотые часы Юрия Николаевича ему не нравились сильнее. Он не мог справиться с этим. А главное, он чувствовал, что тревога его усилилась многократно. Эта тревога становилась почти страхом. И Миша, спасаясь от страха, думал о другом.

«Часы золотые нацепил! – продолжал ругаться про себя Миша. – Кому он и что хочет этим сказать? Мол, посмотрите, какой я успешный психотерапевт и у меня такие профессиональные навыки, блядь, что я могу купить себе такие вот часы... Так? Или, посмотрите, какие мне подарки делают за мою специфику... Ой!.. Ну всё, всё, хватит об этом... А Юля сразу этого деятеля поняла. Юля всё-таки Юля! Как он сказал: дерзко шутила? Представляю! Конечно, он её запомнил! Созвучные имена?! Куда ему до неё! Ой, какой ужас...»

И тут горе наконец настигло Мишу. Он вдруг понял, что думает про Юлю как про живую. Что он всё время думает про неё как про живую, но попавшую в страшную беду. А тут Юлина смерть, Юлино отсутствие и безвозвратность открылись ему всецело. Он закрыл лицо руками и зарыдал почти без слёз.

* * *

Через какое-то время Миша сидел в кафе. Он просто увидел, что рядом с тем местом, где он остановился, есть кафе, самая простая кофейня. Он почувствовал, что страшно хочет пить, оставил машину на месте и зашёл в кафе. Сначала он выпил стакан воды, а потом заказал себе кофе и молока.

В кафе были люди, но немного, музыка играла, но негромко. Миша позвонил Валентине, быстро сообщил, что сообщить ему, в общем-то, нечего. Сказал про то, что узнал, и что вопрос с психотерапевтом закрыт.

– С Владимиром Николаевичем я созвонилась, – сказала, огорчённая услышанным, Валентина.

– С каким Владимиром Николаевичем? – удивился Миша.

– С Юлиным братом...

– А-а, с Володей! Понял. Ну и?

– И Юле на работу тоже звонила, и со следователем удалось связаться. Я кое-кого к этому подключила, и со мной секретничать не стали. Вкратце, информация следующая: уголовное дело по факту Юлиной смерти не заведено, и заводить его не собираются, всё ясно и очевидно. Самоубийство! Каких-то фактов, говорящих о доведении до самоубийства, у них нет, и искать они их не хотят. У них, мол, и без этого много работы. Там будут какие-то ещё формальности, но ничего для нас интересного у них нет. И точно не будет. С этим всё.

– Ясно, Валюша. Ещё что?

– Похороны завтра в одиннадцать.

– Как, уже? Так скоро?

– Мишенька, это нормально. И даже хорошо. Это уже с её работы договорились. Министрство всё-таки. Отдают Юлю без долгих экспертиз. А так бы её долго могли мучить. Панихиды у неё на работе решили не делать. Из-за действий милиции о причине смерти стало всем известно. В общем, решили похоронить тихо и скромно. Я подсмотрела у тебя на столе, на листочке имя Борис Львович. Прости, я с ним связалась.

– Зачем? Это уже самодеятельность! Ты ему ничего, надеюсь, не нагородила?

– Миша! Я не дура. Надеюсь, ты это понимаешь. Просто он единственный, с кем можно было хоть о чём-то говорить. А то там тётки какие-то охают, да охают. А он очень конкретный человек. Не обижайся. И не думай, я по твоим бумажкам не шарю. Могу продолжать?

– Продолжай, – начиная сердиться, строго сказал Миша.

– С похоронной фирмой я созвонилась. Там всё очень чётко и всё очень толково. Отработано всё до мелочей. Осталось обсудить детали, но для этого нужно поговорить с Владимиром Николаевичем, ну, и с тобой посоветоваться. Пока гарантом оплаты я назвала тебя. Их это устроило. Все нужные документы, все формальности они сделают. Я занимаюсь. Совершенно не волнуйся. К вечеру вообще всё будет готово.

– А поминки? – спросил Миша.

– Похоронная фирма и с этим готова помочь, но тут как раз и нужно посоветоваться с Володей. Пока непонятно, сколько будет людей. Говорю же, к вечеру всё будет ясно.

– Хорошо. А что Володя? Ты про него ничего не говоришь.

– С Владимиром Николаевичем говорила. Он уже сообщил отцу, он там у него, но к вечеру вернётся. Сказал, что отец не приедет, и его жена тоже. Плохо себя чувствует. Деталей не знаю. Про похороны тоже пока с ним не поговорила. Он попросил созвониться на эту тему позднее. – Валентина замолчала.

– Ну что ещё, Валюша? Говори, – поторопил её Миша.

– Михаил Андреевич. Я не услышала вашей реакции на то, что я приняла решение по оплате похоронных услуг.

– Всё правильно, Валя. Всё правильно! Молодец! Что ещё?

– Владимир Николаевич сказал, что завещания Юля не оставила, во всяком случае, они его не нашли и ничего о том, составляла она завещание или нет, не знают.

– И что? – удивился Миша.

– А то, что Владимир Николаевич сказал, что он в таких вопросах не разбирается, ничего про это не знает и не знает, что нужно делать. И он спросил, нет ли у тебя или у нас толкового юриста, чтобы ему помочь или хотя бы проконсультировать.

У Миши побелело в глазах от гнева.

– Узнаю брата Володю! – процедил он сквозь зубы. – И что ты ему на это сказала?

– Ничего не сказала, – ответила Валентина, – сказала, что узнаю.

– Ни в коем случае! Пусть он сам этим занимается...

– Простите, – перебила его Валентина, – я думаю, что вы сами ему об этом скажете.

Миша растерялся, подумал секунд пять.

– Да, конечно, сам, – медленно сказал он, – разумеется. Не говори с ним на эту тему.

– Тогда у меня пока всё. Через пару часов сообщу уже все подробности: что, сколько и где. А во сколько, вы знаете.

– Спасибо, Валюша! Спасибо!

– Вы приедете сегодня на работу?

– Наверное. Пока ещё не знаю, – он задумался, – не могу пока сказать... Петрозаводском не занималась?

– Нет, Мишенька. Пока это было физически невозможно.

– Но ты помнишь, мне нужно всё по Петрозаводску к вечеру.

– Так вы приедете, Михаил Андреевич?

– Не знаю... наверное... – у Миши закружилась голова. Он чувствовал сильный прилив гнева и чувствовал, что барахтается в нём и во всей этой бесконечной информации, которая выливалась и выливалась на него. – Не знаю я... Там Лёня ещё должен с немцами встречаться в четыре часа. Проконтролируй обязательно.

– Миша! Успокойся... Ничего страшного не происходит, страшное уже произошло, я всё сделаю. Всё и в своё время. Не терзайся. Поешь чего-нибудь. Да, хоть выпей. Всё идёт нормально.

– Да... – сказал Миша, – наверное... Тогда через пару часов созвонимся. Может быть, подъеду. Спасибо!.. Спасибо большое! Извини.

– Правильно! – сказала Валентина очень мягко. – Созвонимся. И, кстати, подъезжать совсем необязательно. Всё. До скорого. Я не прощаюсь, – и она положила трубку.

Теперь Миша гневался на Володю... «Вот ведь, Вова! Ну Вова! Нет, не зря он на Вике женился, ох не зря. Они друг друга стоят! – думал он. – Юрист ему нужен! А потом он все дела на меня свалит, будет только звонить, торопить и капать на мозги. А потом ещё скажет, что юрист сволочь и дорого берёт. Тоже мне романтик! Музыкант! Поэт-песенник, блядь!»

На Володю было сердиться легче, чем на себя. И ещё Миша вспомнил Валентинины слова про то, что надо поесть. Голода он не испытывал, а голодную тошноту, горечь сигарет и кофе во рту, и ещё головокружение испытывал вполне.

* * *

А сколько Миша жил у Володи и Юли на Кутузовском, столько Володя выкидывал разные фокусы и номера. Володя сам позвал Мишу пожить у него, Миша отказывался, считал это неудобным, но Володя уговорил. Потом сам же Володя устроил Мише одну сцену, потом другую. И если бы не Юля тогда, ушёл бы Миша и хлопнул за собой дверь.

Володя всегда считал, что прав у него на профессорскую квартиру больше, чем у Юли. Он это часто и резко демонстрировал. Юля не обращала внимания на его демонстрации. Хозяйкой в доме была она. Она Мишу приняла, стала Мишиным старшим товарищем, наставником и любимым другом. Уже вечер на пятый пребывания Миши в квартире на Кутузовском Юля и он как засели на кухне за разговор, так и просидели до утра. Миша читал Юле свои стихи, показывал рисунки, рассказывал про свою жизнь, делал юношеские заявления.

Тогда Миша очень хотел сделать выставку картин. У него была идея нарисовать картины, снабдить их длинными поэтическими текстами, сделать выставку и играть во время выставки музыку. Юля слушала Мишу, кивала, курила. Сказала, что идея прекрасная, но не очень свежая, а точнее, идея уже сильно старая, но если Миша сам это придумал, то молодец и пусть делает как хочет. Вопросы типа: «А чем на хлеб будешь зарабатывать?» – Юля не задавала ни разу. Но именно Юля устроила Мишу работать. Сначала Миша работал в большой багетной мастерской. Там он проработал месяца четыре и многое научился делать руками.

Володя сильно ревновал. Он затевал с Мишей длинные разговоры про то, что нужно заниматься только музыкой, а совмещать искусство с зарабатыванием денег нельзя. Он говорил, что Юля никогда искусство не понимала, не любила и с ней бессмысленно об этом говорить. Володя сложно уживался с сестрой, у Миши поддержки не находил и усложнял тогда жизнь всем.

А Юля заботилась о Мише. Они говорили много и часто. Юля спокойно отнеслась к тому, что Миша бросил работу в багетной мастерской. Но он бросил её не просто так. Миша со своим приятелем по работе один раз изготовил вывеску для маленького магазина. Им хорошо заплатили, и дело было интереснее, чем оформлять в рамки бесконечные репродукции, какие-нибудь вышивки крестиком или картины доморощенных художников. Рамок для свадебных фотографий, детских портретов и даже портретов кошек и собак он изготовил без счёта. Но работать на разных станках, с разными инструментами и материалами он научился.

Хозяева того магазина остались очень довольны вывеской и заказали Мише оформить грузовичок. Они хотели, чтобы грузовик был оформлен в стиле вывески магазина. С таким

делом, а главное, с такими материалами Миша никогда не сталкивался. Но он быстро изучил вопрос, и получилось. Тогда-то и пошло-поехало.

Вскоре у Миши было целое дело. Он получал заказы на вывески магазинчиков, павильонов, маленьких фирм, каких-то офисов. У него появились сотрудники, бухгалтер, даже небольшая мастерская в Алтуфьево. Миша делал оформление автомобилей разных фирм, фирмочек и даже компаний. За два года Миша очень вырос в этом деле. Но он по-прежнему жил в квартире на Кутузовском. Периодически репетировал с Володей в гараже, часто с ним ссорился, часто просиживал по полночи с Юлей на кухне за разговорами, много работал, сильно уставал и гордился своей усталостью. А ещё практически все расходы по содержанию квартиры, по заполнению холодильника и прочее Миша взял на себя.

Миша давно уже мог съехать, снимать квартиру и жить самостоятельно, но Юля не хотела этого, хотя прямо так не говорила. Володя говорил как раз обратное. Он всё чаще и чаще приводил к себе свою певицу Вика. Вика Юле не нравилась. Вот Миша и жил в квартире на Кутузовском.

А потом ему пришла в голову счастливая идея, которая изменила всю его жизнь. Он прожил уже три с половиной года вместе с Юлей и Володей. К этому времени он уже начал утомляться от своей работы. Слишком много было суеты, маеты. Прежнего ощущения творчества и азарта почти не осталось. Пошло производство, а главное – нужно было постоянно общаться с теми людьми, которые заказывали вывески типа: «Мотель «Платинум», «Кафе «Арлекино», «Ресторан «Вечерний Баку», «Бар «Айвенго», «Шиномонтаж у Валеры». Он устал от всех этих людей, которые просили: «А сделай мне как у ...» Он уже видеть их не мог. При этом Миша чувствовал, что так и будет дальше.

В то самое время он уже вовсю женился со своей будущей женой Аней. Аня приехала в Москву из Саратова, заканчивала университет, изучала экономику и финансы. Училась аккуратно, но без особого рвения. Жила Аня в общежитии. Уединиться толком им было негде. С Юлей Миша Аню познакомил. Юле Аня очень понравилась. Но приводить её часто в квартиру на Кутузовском Миша не хотел, а уж оставить ночевать – тем более. Да и Аня отказалась бы, если бы Миша ей такое предложил.

А Володя уже жил с Викой почти постоянно, и они собирались пожениться. В общем, всем было ясно, что скоро Миша покинет квартиру профессора. Да и Юля говорила, что вряд ли уживётся под одной крышей с музыкантом и певицей. Юля грустно шутила по этому поводу, но перемены надвигались.

И где-то в это время Мише пришла идея начать заниматься дорожными знаками. Поступил заказ на изготовление вывески для придорожного кафе и магазина. Заказчики хотели, чтобы вывеска была сделана в стилистике дорожных знаков, и Миша впервые работал с материалами, из которых эти знаки изготавливают. Ему эти материалы очень понравились.

Раньше он думал, что дорожные знаки покрыты отражающей свет плёнкой. Он видел, что знаки очень ярко видны в свете фар ночью. Но оказалось, что знаки свет не отражают. Знаки, оказывается, свет возвращают. Ему мужик, который продавал материалы, из которых и делаются дорожные знаки, объяснил подробности.

– Знак свет не отражает, старик, – говорил Мише тот человек. – Если бы знак свет отражал, то водитель в машине этот знак бы не видел, а видел бы его кто-то другой: заяц в поле или волк в лесу. Угол падения равен углу отражения, понимаешь? А знак свет возвращает. Откуда свет пришёл, то есть от фар автомобиля, туда и вернулся, то есть в глаза водителю. Но нужно, чтобы он вернулся не очень ярко, чтобы не слепил глаза. Это очень интересное и сложное дело...

Миша тогда это запомнил. Он понял, что даже никогда не думал о том, откуда берутся вдоль дороги дорожные знаки, кто их ставит, кто их делает, и уж тем более не думал, кто

за эти знаки платит. Но он понял, что знаки ему нравятся. И что если их делать, то никакие идиоты не смогут сказать ему, какой формы или цвета они хотят получить знак.

Миша быстро узнал всё про производство знаков и про то, как, кто и кому эти знаки заказывает. Первый свой знак он сделал чуть ли не вручную и очень кустарным способом.

Юля и эту идею Мишину поддержала. Посмеивалась над ним, но поддерживала, даже не вдаваясь в подробности, а потом неожиданно познакомила Мишу с одним из своих бесчисленных знакомых. Тот знакомый был знакомым знакомых, но Юля как-то помогла то ли ему самому, то ли кому-то из его родственников или детей. Не важно. Юля всем только и делала, что помогала. Короче, тот знакомый, пожилой мужик, всю свою жизнь строил мосты по всей стране. Он про дорожные знаки ничего не знал, но знал всех людей в стране, кто делал дороги, тоннели и тому подобное. Для Миши это было бесценное знакомство. В общем, вскоре он получил свой первый заказ и, можно сказать, вступил в клуб создателей условий дорожного движения. Об этом Миша никогда не пожалел.

«А всё Юля! Кем бы я был без Юли?!» – всегда в моменты ощущения успеха думал Миша.

* * *

Миша едва справился с желанием немедленно позвонить Володе и сказать, что если он будет цепляться к его работникам с вопросами о Юлином наследстве, особенно пока Юля даже не похоронена, то... «А чего «то»? Что я ему скажу?» – подумал Миша и твёрдо решил Володе пока не звонить. А если Володя сам заведёт этот разговор, Миша поклялся сам себе, резко не реагировать и с Володей не ссориться, по крайней мере пока Юлю не похоронили.

Горечь во рту и тошнота стали почти невыносимыми, надо было пусть через силу, но чего-нибудь съесть. Да и рюмку чего-нибудь выпить было бы бесполезно.

Миша читал меню и пытался решить, что он может съесть. Но в кафе были только разнообразные пирожные, мороженое, и, кроме сладкого, можно было заказать сэндвич. Всего этого Миша в себя затолкать сейчас не мог. Телефон зазвонил в очередной раз. Точнее, он не зазвонил, а завибрировал. Звук Миша отключил давно. Звонил Стёпа. Миша ответил.

– Мишенька, дорогой! Ну хорошо, что ты ответил, – быстро заговорил Стёпа. – А то я тебе звоню, звоню. Тебе ещё моя помощь нужна? Как ты вообще?

– Стёпа, дорогой, прости, пожалуйста! Я тут замотался, на телефоне звук выключил и не слышал звонков. Наверное, помощь никакая не нужна. Это я вчера запаниковал и к тебе обратился. Всё уже решается. Так что спасибо и не беспокойся.

– Да ну что ты, дружище! Какие могут быть извинения! Такая беда! Ты-то как сам?

– Хреново, брат! Очень хреново! Деда я хоронил, бабушек тоже. Приятель один хороший разбился на машине, давненько уже. А такого близкого и родного человека, молодого... терять ещё не приходилось. Да и не было у меня в сознательной жизни более близкого человека. Вот я и растерялся. Так что прости ещё раз.

– Миша, дорогой мой друг! Держись, – очень искренне сказал Стёпа, – я тебе очень сочувствую и очень хочу помочь чем могу. Только ты не стесняйся, пожалуйста.

– Сёпа, не волнуйся...

– А хочешь, я приеду к тебе? Ты где сейчас? – обезоруживающе спросил Стёпа.

– Я на Пятницкой... – Миша подумал пару секунд и справился с желанием сказать: «Приезжай скорее». – Нет, Сёпа, не беспокойся. У меня ещё дела. Позвони попозже.

– Как скажешь, Мишенька. Как скажешь. А то я недалеко, могу подъехать, – Стёпа подождал чуть-чуть, но Миша молчал. – И прости за вопрос, что случилось всё-таки? Я не понял вчера. Это твоя родственница? Ты прости, я просто хочу лучше понять...

– Больше чем родственница, Сёпа! Не важно... Очень хороший человек. А что случилось. Я и сам не пойму. Факт в том, что умерла... Умер очень хороший и самый близкий мне в этом городе человек. Такие пироги.

– Ладно, когда захочешь и сможешь... И если тебе от этого станет легче, тогда и расскажешь. Держись! А я тебе ближе к вечеру позвоню. Или ты звони, не стесняйся. Ты же знаешь, я всё брошу и постараюсь помочь... Пока, дружище!

* * *

Миша долго относился к Стёпе довольно пренебрежительно и свысока. Он казался Мише суетливым и поверхностным весельчаком, весьма ленивым, любящим понуть и побрюзжать. Но всё же Стёпа был беззлобный и компанейский человек. Стёпина компания была Мише приятна. К тому же Стёпа давал много поводов над ним пошутить. Они довольно часто общались. Но после одного разговора Миша если и не изменил своего отношения к Стёпе, то по крайней мере узнал, что Стёпа совсем не так прост, как ему казалось. После того разговора он стал внимательнее Стёпу слушать, ценить его мнение и уважительнее к нему относиться.

Однажды Миша здорово на Стёпу обиделся и даже отчитал его, как мальчишку, а Стёпа и выслушал Мишу, как мальчишка, виновато моргая.

Стёпа тогда позвал Мишу с женой Аней вместе поужинать по какому-то важному для него поводу. Выбрал Стёпа для этого приличный ресторан. Аня обрадовалась. Ей Стёпа нравился, Стёпа любил и умел нравиться. Была пятница, вечер. Миша с Аней пришли чуть раньше, а вскоре явился и Стёпа с совсем юной и совершенно новой девицей лет семнадцати– девятнадцати. Аня, да и Миша уже запутались в Стёпиных барышнях. Вот Ане и показалось, что новая Стёпина подруга совсем даже не новая, а уже ей знакомая. Хотя справедливости ради надо отметить, что Стёпины девушки были одного типа.

– Полина, милая, здравствуй, – доброжелательно сказала Аня.

– Здравствуйте. Но меня зовут Марина, и мы с вами не знакомы, – сказала Стёпина спутница низким недобрым голосом. – Стёпа, а кто у нас Полина?

В общем, вечер был испорчен. Марина уходила, Стёпа её догонял. Та возвращалась, сидела, надутая, в основном молчала, от еды отказывалась и пила только воду, потом говорила язвительные глупости, уходила, Стёпа бежал за ней. Аня чувствовала себя виноватой, а Миша медленно закипал.

В конце концов Миша не выдержал всей этой ситуации, извинился и попросил Стёпу прогуляться с ним в сторонку.

– Сёпа, дорогой, – не сдерживая гнева, сказал Миша Стёпе в коридорчике возле туалета, – в следующий раз, когда будешь нас куда-нибудь приглашать, сообщи заранее, с кем ты будешь в этот раз, чтобы мы могли решить, хотим мы общаться с очередной твоей воспитанницей или нет.

– Прости, Мишенька, – растерялся Стёпа, услышав даже не то, что сказал Миша, а то, как он это сказал, – мне кажется, я взрослый человек и имею полное право... И к тому же мы друзья.

– Вот именно! Мы друзья, а ты, Сёпа, взрослый человек. И, мне кажется, уже должен понять, что оставлять другого взрослого человека, к тому же, как ты сказал, друга без выбора, – это очень неправильно. Если бы не ты, то мы с Аней не имели бы удовольствия общаться с этой твоей Мариной. Мы не хотим с ней не только общаться, но и даже её знать. Мы пришли пообщаться с тобой. С тобой я готов общаться сколько угодно. Но если ты намерен навязывать нам общение всех твоих бесконечных Марин, Полин, Вероник и прочее, то знай, дорогой, это нам радости не доставляет.

– Мишенька, пожалуйста! Я же не знал, что так неудачно получится...

– Что неудачно получится? – перебил его Миша и даже навис над ним. – Что?! Что Аня перепутает Марину с Полиной? Или то, что они все на одно лицо? Или то, что в этот раз ты придёшь со зловредной девкой? Знаешь, Стёпа, мне кажется, что моя жена и я не обязаны развлекать твоих подружек. Мне кажется, что у нас есть право общаться с теми, с кем нам приятно и интересно. А проводить целый вечер в компании девицы, которая двух слов связать не может...

Миша ещё минуту говорил в том же духе, успел сказать: «Как тебе не стыдно знакомить этих девок с моей женой?» и даже: «Где ты их всех находишь?» Стёпа слушал, моргал и даже не пытался возражать. А Миша высказался, вернулся к столу, оставил на столе определённо большую сумму, чем мог быть счёт, и увёл Аню. Стёпа робко пытался их остановить, Ане было неудобно, и она не знала, что сказать, девушка Марина осталась без внимания. Короче, ужин не удался.

Миша думал, что Стёпа обидится, но Стёпа на следующий день, в субботу, позвонил в полдень, искренне и взволнованно попросил его простить и очень попросил с ним встретиться, потому что он очень переживает. Они встретились тогда же вечером. Миша хотел встретиться ненадолго, а просидели они тогда и проговорили часа три, да ещё и выпили пива, довольно много, чего Миша тоже делать совсем не собирался.

Они встретились тогда в маленьком баре. Сначала заказали, Стёпа – чай, а Миша – кофе. Стёпа был взволнован и очень хотел высказаться, но всё извинялся, да путано говорил, что всю ночь почти не спал, понял, как был вчера не прав, и вообще много думал. Потом они заказали немного виски, а потом и пиво.

– Ты, пожалуйста, Анечке скажи, что я очень перед ней извиняюсь, – говорил немного вспотевший от чая и виски Стёпа, – ужасно всё вчера вышло... И ты знаешь, я вдруг понял, как это всё... Ну, то есть как я выглядел и как выгляжу со стороны. Ужасно пошло, да? Конечно, пошло! – он отхлебнул пива. – Ты меня выслушай, я долго об этом думал сегодня ночью. Так мне стало тоскливо!

– Я слушаю, слушаю, не волнуйся, – сказал Миша.

Стёпу действительно нужно было выслушать. Таким взволнованным и растерянным Миша его не видел никогда.

– Да! Мне хорошо с ними, – наклонившись над столом ближе к Мише, сказал Стёпа, – мне весело и легко с этими девочками. А им хорошо со мной. Думаешь, я не удивлялся десять лет назад таким, как я сейчас, толстым и лысым пердунам, которые таскаются с молодыми девками? Удивлялся и смеялся над ними. А теперь вот он я! Точно такой же!

Думаешь, я не знаю, что это типично и глупо выглядит? Знаю! Уже знаю. Но мне-то казалось что? Что я свободный, весёлый и опытный человек и имею право! Да, я сделал одну женщину несчастной. Да, я ушёл от жены. Но я как думал... Я думал, что дети уже выросли, учатся, дома не живут, их я несчастными не сделаю. Жене я оставил всё. Взял трусы, носки... Ушёл с одним чемоданчиком. Всё оставил и даже гордился тем, какой я благородный и не мелочный. Всё оставил ей, детей обеспечиваю, сам снимаю квартиру. А ещё я думал, что так честнее и лучше. Сколько можно было уже врать и чего-то изображать? – он снова глотнул пива. – А знаешь, я не жалею о том, что сделал. Мы последние годы, особенно когда дети уехали учиться, жили... Это был ад, Мишенька! Сумасшедший дом был. А потом я ушёл. И тогда впервые и без зазрения совести стал делать то, что хочу. Нет! Ты не подумай, у меня девки были и до развода. Но эти тонны лжи, эти шитые белыми нитками оправдания... Я уже не мог... – он замолчал на несколько секунд, играя желваками. – И мне стало хорошо. Я как думал... Я никому ничего плохого не делаю. Девчонкам со мной интересно. Они сами все про это говорят, что им с нами – пердунами – интереснее, чем со сверстниками – дураками. А мне было приятно. Миша! На них же так легко производить впечатление! Это так

легко и приятно! Любые впечатления... Рассказы про жизнь, подарки, свобода, которую я им открывал, сексуальные опыты... Они всему удивляются, радуются. Это так легко и приятно. А ещё я думал, идиот, что они молодые, заставляют меня стараться за собой следить, худеть, заниматься спортом, заботиться о здоровье. Думал, что они меня оживляют и молодят. Я же, Мишенька, никогда раньше не танцевал, а теперь хожу туда, где танцуют. И танцую. У меня же этот ищущий взгляд выработался, как у кота. Мне кажется, я уже в полной темноте девок могу разглядеть. И мне это всё нравится, понимаешь?! Нравится, – Стёпа закурил сигарету и прищурился от дыма. – Потому что всем таким же пердунам, как я, это нравится. Все такие же, как я, пердуны, этого хотят. И если они от жён не уходят, то всё равно делают то же самое, что и я, только врут всё время и изображают семейные узы. А жёны их терпят, потому что привыкли... Я их называю: «жены на договоре». Это ещё хуже...

– Как ты сказал? «На договоре»? – усмехнулся Миша. – Это надо пояснить.

– Мишенька! Дорогой! Я когда ушёл от жены, я же всех своих старых друзей практически лишился. Для всех жён моих друзей я стал подонком и негодяем. А мои старые друзья в основном люди не нищие. Это я среди них всегда был непрактичным и ленивым, а они о-го-го! У меня сразу пошёл другой ритм. А им было проще перестать со мной общаться, чем из-за меня ссориться с жёнами. Они им и без меня поводов дают достаточно. Но жёны у них на договоре. То есть всё про своих мужей и их девок знают, но чего-то изображают. Вместе иногда куда-то выходят, вместе иногда куда-то ездят. А так, – Стёпа выпустил дым, отхлебнул пива и махнул рукой, – дети у них выросли. Дома у жён моих друзей только телефон, собака или кошка да домработница, которой можно руководить и с ней же поболтать. И вот такая женщина всё отлично знает про девок своего мужа, знает, что он ей говорит, мол, поехал в Челябинск по делам, а сам с девкой на море или в горы. Они, эти жёны, всё знают, но в подробности не лезут, иногда поймают своего мужика уж на совсем наглой лжи или застукают с кем-нибудь где-нибудь, устроят скандал, трагедию и горе. А потом подуются, получают дорогой подарок – и опять «на договор». – Стёпа загасил окуроч, нашёл глазами официанта и показал ему свою пустую пивную кружку. Миша слушал Стёпу и кривил губы в улыбку. – А ещё, Мишенька, эти жёны собираются в стаи, точнее, в стайки, по четыре-пять. Собьются в стаю и дружат. Ходят вместе на спорт, на маникюр-педикюр, вместе обедают, вместе куда-нибудь ездят за покупками и всё время много говорят. А главное, они всё время друг за другом следят, потому что боятся, что без подруг своих наломают дров, не выдержат, да и схватят за яйца какого-нибудь... да хоть тренера в спортзале. Из-за этого и держатся друг друга. Боятся, что понесёт их, и тогда конец договору, – Стёпе принесли свежее пиво, он сразу отпил пару глотков. – Я как увидел, что у меня жена туда же скатывается, а я ей в этом активно помогаю... Короче, Миша. Ужас это всё... так что мне с молодыми девками нравится. Но я, Миша, всегда влюбляюсь. Без этого не могу. Каждый раз думаю, что сильно влюбился. И мне так лучше! Но вчера... Ох, и стыдно мне стало! Аня у тебя такая хорошая. И ещё я всё-таки понял, что не все такие толстожопые, каждое утро и вечер встающие на весы, в надежде увидеть волшебное исчезновение лишнего веса... То есть не все такие пошлые, озабоченные всем, чем озабочиваются сорокалетние пердуны, как я. Прости меня за испорченный вчерашний вечер, прости, что поставил твою жену в нелепую ситуацию, прости за то, что не скрывал, а, наоборот, демонстрировал и грузил тебя всеми своими... Ну, ты понимаешь?! Всеми своими комплексами. Вчера я понял, как это некрасиво выглядит со стороны. В общем, я хотел, чтобы ты это услышал, знал, что я всё понимаю, чтобы ты не считал меня пердуном, потому что я сам себя таким считаю. Прости, друг мой!

Миша не очень знал, что можно на всё это сказать. Он поуспокаивал Стёпу, сказал, что ни он, ни Аня совершенно не обижаются и что на него совершенно нельзя обижаться. Они тогда ещё поговорили о том о сём, ещё выпили.

– И ещё, Мишенька, я должен, – уже заметно пьяненький, сказал Стёпа, когда разговор стал подходить к некому логическому и практическому концу, – и хочу тебе сказать, что я так вчера испугался того, что мы поссорились и что я тебя теряю. Я раньше так сильно такого чувства не испытывал. И знаешь, я испугался и понял... Я понял, что я уже так много всего на свете потерял, что больше терять не могу, не хочу и не должен. Ты, может быть, думаешь... вот, Сёпа такой вот смешной, толстый и бессмысленный, а я такой и есть.

Я всю жизнь люблю животных. А у меня у самого никакого своего животного не было. Даже в детстве не было ни кошки, ни собаки, только морская свинка. Я учился животных лечить и всё время их лечу. А своего нету. На своё животное я не найду времени и позаботиться не смогу. А знаешь, сколько разных животных у меня на глазах передохло... Короче, у меня смешная и бессмысленная жизнь. А вчера я так испугался... Я прикинул, а кто у меня, в сущности, в жизни есть? Очень мало у меня осталось близких людей. Прямо-таки совсем мало! Ты, конечно, можешь не причислять меня к близким людям, но это не важно. Мне это, Мишенька, прости меня, не важно. Главное, я ощущаю тебя близким мне человеком. Я тебя люблю!.. погоди, – Стёпа сделал широкий и пьяный жест рукой, останавливая Мишу, который хотел что-то сказать, – погоди... Да, я выпил, да, расчувствовался. Но это не пьяные сопли! Я тебя люблю, Мишенька. Ты такой молодец! Ты так... Как бы это сказать?... Ты правильно всё делаешь, такой талантливый... Ты хороший человек. И мне нужно знать, что ты мой друг. Ты можешь меня другом не считать. Но дай мне тебя считать другом! – Стёпа допил остатки пива, которые тоненько желтели на доньшке. – Я понял, Миша, что мне друзья нужны, чтобы окончательно не потеряться и не засуетиться вконец. Мне нужно знать, что есть такие люди, ради которых я могу отменить все дела, пожертвовать полезными для меня обстоятельствами или даже ночью выскочить из постели и помчаться к другу, пусть бы в этой постели была самая красивая девушка на свете. Мне нужно знать, что я это могу. И пусть никто из друзей никакой жертвы от меня не попросит. Но я должен знать, что ради разговора с другом, ради дружеской пьянки или рыбалки, будь она неладна... я готов бросить всё! Но только, чтобы это было кому-то нужно, чтобы кто-то знал, что есть такой Сёпа, которому можно позвонить ночью, и он приедет, даже не спросив, зачем. Да, хочу, чтобы всегда помнили, что если будет плохо, одиноко или просто грустно, есть такой вот толстый, нелепый Сёпа, который бросит всё... Мне надо знать это про себя. И ещё мне надо знать, что я кому-то нужен, и надеяться, что я кому-то необходим. Я так понимаю дружбу, Мишенька! И если ты позвонишь мне ночью, я буду счастлив. Буду счастлив от того, что в трудный момент, ночью, ты вспомнил про меня и не нашёл никого другого для помощи и поддержки. Можно я буду считать тебя своим другом?..

И Стёпа полез обниматься.

* * *

Миша продолжал сидеть, не в силах решить, что же делать дальше. Он хотел встать, но если встать, то надо было куда-то идти и сразу. Так что он продолжал сидеть и смотреть на кафельный, серый с белым пол кафе. Он чувствовал, что этот пол, эти серые и белые квадратные плитки, этот стук каблуков по этому полу, но прежде всего сами квадратики и чёрные тонкие полоски между ними вызывают у него какую-то незнакомую ему прежде тоску, душную скуку и безнадежное тошное отчаяние.

«Как же мне не нравится этот чёртов пол. Кто же придумал такой скучный и бесчеловечный пол, – ползло у Миши в голове. – А кому-то он нравится. Ужас какой! Вот только чего мне дался сейчас этот пол. Пол как пол... Таких полов повсюду... Вот именно, что повсюду такие полы. Как скучно-то. Здесь не только кофе пить и пирожные есть нельзя,

здесь находиться-то тошно. Как они тут работают?! Я бы пару дней на этот пол посмотрел и повесился бы...»

Тут Миша встал, довольно резко. Обычная фраза: «повесился бы», которую он часто говорил или думал по разным поводам и в самых разных ситуациях, вдруг ужалила его конкретностью смысла. Он шагнул к выходу, но остановился, вспомнил, что не заплатил, пошёл к кассе, рассчитался, проклиная медлительность кассира, и вышел на улицу, стараясь не смотреть на пол кафе.

Миша быстро дошёл до машины, сел за руль и моментально завёл мотор. Но тронулся с места он не сразу. Он не раздумывал, куда бы поехать, он продолжал думать про кафельный пол и про ту тоску, которая открылась ему в серых и белых квадратиках этого пола. Миша отчётливо понял, что даже если бы он не ел три дня, он не смог бы сейчас зайти ни в какой ресторан или кафе, сидеть там один и есть. Тошнота, пустой желудок и горечь от кофе и сигарет не заставили бы его сейчас пойти куда-нибудь, чтобы спастись от этих болезненных ощущений.

И Миша неожиданно признался себе, что ему всегда было скучно, неинтересно и тоскливо бродить по красивым улочкам тех европейских городов, куда, как ему казалось, он так любил ездить. Ему всегда казалось, что ему нравилось одному бродить по старым мощёным улочкам и переулкам, заходить в ресторанчики и бары. Ему казалось, что сидеть, есть или пить или есть и пить одному где-то в Париже или Берлине, смотреть в окно на улицу, любоваться набережной или площадью, слушать непонятную речь – это приятно, красиво, тонко и даже романтично. Ему казалось, что ему нравится читать какую-нибудь книгу французского или латиноамериканского автора за чашкой кофе в полупустом кафе, и что это серьёзно и элегантно. Ему казалось, что такое уединение развивает и углубляет внутренний мир, содержание и даже укрепляет характер. Миша нравился сам себе, такой одинокий, молчаливый и сосредоточенный. Он гордился таким своим образом жизни и считал, что ему так хорошо. Он гордился тем, что открыл в себе интерес и удовольствие бывать одному где-то далеко от соотечественников. Ему казалось даже, что так он отдыхает, уезжая из Москвы на недельку-другую.

И вдруг ему стало ясно, что ему всегда было скучно и тоскливо в этих одиноких поездках. Ему в этих поездках ничего не хотелось, ему всегда казалось, что хочется, но на самом деле не хотелось ничего. Не хотелось ходить по музеям или галереям, не хотелось одиноко гулять по паркам, и даже есть ему не хотелось. Но он всё это делал и находил в этом много смысла.

Книги в кафе ему тоже не хотелось и не нравилось читать. Не нравились сами многослойные и путанные смыслы французских и латиноамериканских писателей, и процесс чтения тоже не нравился. В кафе ему трудно было читать, мысль ускользала, Миша отвлекался и перечитывал один и тот же абзац несколько раз, пытаясь хоть что-то понять. Но парижане и берлинцы в кафе читали, не отвлекались и явно получали удовольствие и от процесса чтения и от книг. Миша делал так же и был собой доволен. А тут ему стало ясно, что всё это ему было скучно. И он тут же подумал, что и парижане и берлинцы, наверное, не любят читать в кафе те книги, которые они читают, и им, наверное, совсем не так уж хорошо поодиночке, с независимым видом, пить кофе во всех бесчисленных кафе.

Миша всё так и сидел за рулём и не трогался с места. День стоял солнечный, нежный и прохладный. Миша ощущал под собой смятые складки пальто. Он сел в машину, не позаботившись о своём любимом пальто, хотя всегда снимал его, садясь в машину. И в кафе он пальто не снимал. «Помялось совсем, – подумал он вяло, – да и фиг с ним». Это пальто он купил в Париже, очень его любил и берёг, а тут не захотел расправить складки под собой. Он сидел и думал.

И то, о чём и как он думал, Мише очень не нравилось. Его не огорчило признание самому себе в том, в чём он признался.

Его огорчало и даже пугало то, что в последний раз он делал себе подобные признания довольно давно. Тогда ему было очень больно и трудно, тот период своей жизни он вспоминал теперь с ужасом и не хотел тех самых переживаний даже близко. И хотя всё тогда было совершенно иначе, но сам факт горького признания в чём-то самому себе сильно Мишу встревожил.

Он сидел с совершенно отрешённым взглядом в машине, держался обеими руками за руль и усиленно пытался отогнать тоску, будто вылезшую из чёрных полосок между кафельными плитками того самого пола в кафе. Он старался не думать о том, что напомнила ему эта тоска. Миша помнил, как и когда он признался себе в том, что ненавидит свою жизнь и не любит почти всё, из чего эта жизнь состоит, и то, как его жизнь устроена.

* * *

Шесть лет назад Миша сокрушительно сильно и страстно влюбился. Он тогда только-только почувствовал результаты активного и целенаправленного своего труда, у него всё шло успешно и хорошо. Работы было хоть отбавляй. Дома всё его радовало. У них с Аней уже была своя квартира, хоть и далеко, а точнее, весьма далеко от центра, но своя квартира и в Москве. Дочка Катя начала много и забавно говорить, Миша купил новую машину, Аня нашла интересную работу. И тут Миша влюбился.

Случился приём в мэрии Москвы. Перед новым годом собрали тех, кто занимался столичными дорогами. Мише раздобыли пригласительный на это торжество. Ему было полезно туда пойти, там можно было познакомиться с полезными в его деле людьми. Там он и встретил Светлану.

Миша на том мероприятии был, наверное, самым молодым, застенчивым и меньше всех понимал, как надо себя вести и как получить пользу и выгоду от происходящего. А Светлана была там одной из немногих женщин, при этом самой молодой и спокойной.

Миша на том приёме вертел головой во все стороны и пытался найти хоть одно знакомое лицо, чтобы хоть поздороваться и не стоять одному. В конце концов он увидел знакомое лицо. Это был пузатый дядька в расстёгнутом пиджаке. Мелкий московский чиновник, с которым Миша пару раз имел деловые встречи. Миша радостно поздоровался с тем чиновником, обменялся парой фраз, а тот, в свою очередь, разулыбался и поздоровался с единственной в той большой компании молодой, красивой и элегантной женщиной, проходившей мимо с бокалом. Это была Светлана. Миша поздоровался с ней, представился, она по-мужски протянула ему тонкую руку и назвала своё имя. Миша пожал руку и в первый раз в жизни влюбился сразу. Уходил он с того приёма контуженный, с не видящим вокруг себя ничего взглядом и с маленькой бумажкой в кармане. На бумажке было написано её рукой: «Светлана» и номер телефона.

И началось! Светлана работала в мэрии, была замужем, и у неё была дочь пяти лет. Четыре месяца Миша находил возможность дожидаться Светлану после окончания её работы, дарить ей цветы и то коротко, то дольше разговаривать с ней. Миша весь извёлся тогда. Как он не завалил все дела на работе за те четыре месяца, он и сам не понимал. А Света цветы брала, на звонки отвечала, руку из Мишиной руки не выдёргивала, смотрела Мише прямо в глаза так, что у Миши останавливалось сердце, и больше ничего. Со слов Светланы он знал, что муж её человек занятой, небедный и старше её почти на десять лет. Дочка у Светы была от первого её и неудачного брака. Света была младше Миши на два года, спокойнее и увереннее на сто лет, а выглядела она прекрасно. Муж её часто уезжал куда-то далеко и по делам. Когда муж был в отъезде, Света цветы брала и отвечала на звонки всегда,

радостно, и они подолгу говорили. Когда муж возвращался, цветы отвергались, и звонить Светлане Миша мог только в рабочее время, да и то она говорила с ним холодно и кратко. Сама Света не звонила никогда. Она знала от Миши, что он женат и у него тоже дочь.

Миша тогда сильно мучился, был сам в себе, и Аня, конечно, что-то чувствовала, задавала вопросы. Миша говорил, что у него серьёзные проблемы с большим заказом, что вообще много неприятностей.

А однажды вечером, когда Миша в очередной раз ждал Светлану после её работы в назначенном месте, а она всё не шла, он не выдержал ожидания и позвонил ей. Она ответила необычно ровным голосом, сказала, что этим вечером она встретиться с Мишей не сможет, но если он хочет и может освободить себе вечер пятницы и всю субботу, а ещё, если он придумает место, где они могли бы быть это время вместе, то она готова...

Миша тогда не сразу пришёл в себя. Он, конечно же, всё придумал. Сказал жене, что едет по делам в Вологодскую область, сам снял номер в гостинице прямо в Москве. Они тогда со Светланой не выходили из номера больше суток. И всё завертелось и усложнилось ещё сильнее и жёстче!

В итоге Мише пришлось городить дома такую ложь по поводу своего заведённого и возбуждённого состояния и частых ночных отлучек, что он доврался до того, что ложь его стала совсем несусветной и поэтому убедительной. Он сказал Ане, что вляпался в историю, что случайно и по неосторожности влез в криминал и использовал грязные деньги. Он врал, что ситуация критическая и опасная, что ему поэтому приходится скрываться. А потом он сочинил, что ситуация ещё усугубилась, и для того, чтобы ему можно было действовать более решительно и свободно, Аня с дочкой должны уехать из Москвы к Аниным родителям в Саратов и переждать.

Аня очень волновалась, плакала, не хотела терять интересную работу, боялась оставлять Мишу одного в Москве, уговаривала уехать вместе. Но Миша был артистичен, трагичен и, опять же, убедителен. Аня с Катей уехала вся в страхе и в слезах. Миша ненавидел себя за дикую ложь и мучения жены и дочери. Но ничего поделать со своей страстью и любовью не мог.

У Светланы тоже всё было непросто. Муж явно что-то почувствовал или прознал. Иногда Миша не видел Свету неделями, изнемогал от тоски, ревности и всех других сопутствующих мук. В такие недели он метался по городу, пил с друзьями, говорил только о своём или лез дома на стены, не выпуская телефона из рук. Но чаще он приезжал к Юле и опять говорил и говорил об одном и том же. Только Юля могла его выслушать так, как ему было нужно, или отругать за слюни и сопли и тем самым остудить, правда, совсем ненадолго. Нотаций Юля не читала, опомниться не призывала и не агитировала совсем. Совестью Миша мучил себя самостоятельно и оправдания себе не искал.

Такие несчастные недели сменялись неделями счастья и любви. Тогда Миша чувствовал свою вину перед женой и дочерью ещё сильнее, городил ложь за ложью в телефонных разговорах с Аней, но был счастлив. В такие дни он эффективно работал, всё у него получалось, но сил не убывало.

Так длилось довольно долго, а потом закончилось. И Свете и Мише было ясно, что всё как-то закончится. Света от Миши ничего не требовала и сама следующего шага делать не собиралась. Так всё длилось долго, почти год. Миша несколько раз ездил в Саратов к своим, продолжал врать и обещать, что скоро всё наладится.

Короче, Светлана сама решила всё прекратить и прекратила. Сказала в один прекрасный вечер перед самым прощанием, когда Миша собирался её поцеловать и с надеждой сказать «до завтра!», сказала, что муж её едет работать в Канаду на два года, и она поедет с ним. Сказала, что так будет лучше всем и что они больше не увидятся. Это прозвучало как гром среди ясного неба. Миша не знал, что делать, держал её за руку, уговаривал, кричал,

рыдал. Но она тогда ушла, и всё. Миша постоянно ей звонил несколько дней, дежурил возле её работы, ночью сидел в машине возле её дома, сам на работу не ходил, забыл про еду и бритьё. Тогда он твёрдо решил уйти из семьи, причём в любом случае. От Светланиного решения это не зависело. Миша тогда понял, что жизнь закончилась и с женой и дочерью после того, что он совершил, он жить уже не сможет.

Светлану он в те дни так и не увидел. Через пять дней после их последней встречи Мише позвонила Светланина подруга и сказала, что Света просила передать, что она улетела, чтобы он не мучился и не искал её, и что она просит Мишу её простить, и что любит его.

После этого известия Миша просидел в одной позе целую ночь и утро, потом не мог вспомнить, каким образом, но добрался до Юли и проговорил с ней целые сутки. А потом он проспал у неё на диване тоже около суток. Миша до сих пор был уверен, что именно Юля спасла его семью от краха, а его самого от непоправимой беды.

Юля знала всю историю Мишиного романа, не одобряла его и не осуждала. Она только слушала Мишины бесконечные то пьяные, то трезвые рассуждения о любви, о смысле жизни, о том, что без любви смысла в жизни никакого нет. Она слушала про то, какая прекрасная женщина Светлана. Слушала, курила и только иногда говорила, что-нибудь. Миша даже сердился на Юлю за её сдержанность и спокойствие, с которым она слушала его страстные рассказы. И один раз, будучи выпившим коньяку, чуть было не сказал ей, что она ничего про любовь не понимает, потому что не любила никогда. Но он удержался в последний момент и не сказал Юле таких слов.

Он хотел познакомить Юлю со Светой. Точнее, он очень хотел Свету Юле показать. Но Юля категорически отказала.

– Ты что, Миша, офонарел? – сказала она тогда. – Не надо меня с ней знакомить. Не втягивай меня ещё сильнее в свои любовные истории. Ты и так меня втянул достаточно. Как я буду потом Ане в глаза смотреть? А?! Ты об этом подумал? Мне и так-то будет трудно ей смотреть в глаза, после того как ты посвятил меня во все свои похождения... Но знакомиться с твоей пассией!.. От этого меня уволь!

– Она тебе обязательно понравится! – азартно сказал Миша.

– Совсем необязательно! Она мне уже не нравится. Виновата или не виновата она, мне не важно. Я её не знаю. Но по её причине страдают знакомые мне Анечка и Катенька. В связи с ней извёлся ты... Так что мне она не нравится. Знать её не хочу. Так мне проще. Не усложняй мне жизнь. Ты же только про себя тут говоришь. А у меня у самой жизнь непростая. Не хочу её усложнять.

Миша был уверен, что именно Юля убедила его не бросить семью, а, наоборот, держаться за семью всем, чем только можно было держаться.

– И не вздумай ни в чём сознаваться Анечке! Не будь сволочью! – говорила Юля, когда Миша явился к ней после краха его любви и отъезда Светланы.

– Юля, ты не понимаешь! – кривя лицо и прижимая руки к груди, говорил Миша. – Я такое ей наговорил! Я перед ней так виноват! Как я ей смогу объяснить... как я с ней смогу жить? Я не могу! Я люблю другую женщину...

– Через не могу, Мишенька! Через не могу! – спокойно, монотонно и разве что чуть-чуть сердито продолжила Юля. – Анечка и Катя ни в чём не виноваты. Это ты влюбился, так что тебя мне не жалко. А они ни в чём не виноваты. Ты им жизнь не должен калечить. Врал и ври дальше. Наглая и неприкрытая ложь – вот что тебе осталось. Не смей на Аню правду вываливать! Видала я таких героев, которые вываливают всю правду на бедную женщину, сами гордятся своей честностью и даже не подумают о том, как этой бедной женщине с ним таким честным жить, зная всю его страшную правду. Не сваливай свой груз на Анечку. Ври! – Юля закашлялась и отхлебнула кофе. – Даже если к стене прижмут, даже если всё выплывет наружу, ври. Ври до конца и ни в чём не сознавайся. Ври, чтобы Анечка поверила и

успокоилась. Но мне кажется, что Аня женщина мудрая и много вопросов задавать не станет. И копать, я тоже думаю, не станет. Лги, Мишенька! Изворачивайся, извивайся, сочини с три короба, но девчонок своих побереги.

Миша с ужасом вспоминал то время и тот туман, в котором жил. О своей любви он старался не вспоминать. Светлану он не мог и не хотел упрекать ни в чём. Он встретил её спустя три с лишним года после её отъезда. У него уже родилась вторая дочь Соня. Он за эти годы перешагнул пару ступенек социальной и финансовой лестницы. Светлана позвонила сама, совершенно неожиданно. Миша очень удивился, но с первых секунд разговора и при звуках её голоса понял, что и днём и ночью готов был к этому звонку и даже его ждал. Светлана хотела встретиться. Она сразу предупредила, что через два дня улетает из Москвы и что она уже в стране не живёт.

Они встретились на следующий день после звонка в обед. Миша сильно волновался. Он очень боялся, что прежняя волна накроет его с головой, и вернутся запряванные глубоко-глубоко страшные переживания, с которыми совладать невозможно. Они встретились, волна Мишу не накрыла. Но руки дрожали, и глаза непонятно куда было девать. Света тоже волновалась. Они пили кофе минут сорок в забитом людьми кафе.

Света сказала, что от мужа она ушла почти сразу после отъезда. Устроилась она очень, по её словам, хорошо. Снимает дом в Торонто, работает, учит французский язык и совершенствует английский. Дочь учится хорошо.

Выглядела Светлана шикарно, ей очень шла короткая стрижка. Она поругала Мишу за то, что тот прибавил в весе, хотя признала, что поправился Миша не сильно, зато стал много респектабельнее. Она подарила Мише дорогие и классные запонки из золота и цветной эмали. Запонки были в виде знака «Остановка запрещена». Миша ничего ей не подарил. Не подумал. Так они и расстались надолго, если не навсегда. Так была поставлена точка в той истории.

Миша эту историю никогда не забывал и очень опасался снова влюбиться сильно и сокрушительно. Любви он не боялся! Он боялся того, что с ним происходило больше года. Он боялся того чувства и того, в чём он себе признавался каждый день, прожитый в состоянии той любви.

Он помнил, что признался себе в том, что ненавидит свою жизнь, которая мешает ему любить, и открыто, свободно и постоянно быть с любимой женщиной. Он понял тогда, что вся жизнь, к которой он так стремился и которую выстраивал своим трудом и которую любил: жена, работа, друзья, и даже его собственный и горячо любимый ребёнок – всё это мешает и не даёт ему любить так, как он хочет. Всё устройство его жизни против самого дорогого ему человека и чувства. Тогда он признался себе, что не любит свою жизнь и не любит себя, живущего этой жизнью. Миша с ужасом вспоминал время своей нелюбви к своей жизни.

А тут дурацкий кафельный пол дешёвого кафе вызвал в нём прежние переживания и отголоски признаний в нелюбви к своей жизни. То, что он вдруг и совершенно неожиданно понял, что ему скучно, плохо и неинтересно одному с самим собой и со своими мыслями даже в Париже или Берлине, его напугало самим фактом признания. Он не хотел снова ощущать нелюбовь к себе и к тому, что сделал своими руками, к тому, что сложил, и к тому, как он теперь устроил свою жизнь. Миша заволновался за свои новые привычки, взгляды и мнения. Он остро не захотел ни в чём сомневаться.

Он просидел за рулём заведённой машины минуты три. Почувствовал и понял то, что понял. Он обнаружил в себе ещё признаки совсем новой и незнакомой ему сильной тоски. Ещё раз проклял кафельные полы и позвонил Стёпе.

Миша попросил Стёпу с ним встретиться как можно скорее, чтобы поговорить и пообедать вместе. Он сказал, что ему плохо, и нужна поддержка. Стёпа радостно согласился встре-

титься, сказал, что ему нужно пять—семь минут, чтобы отдать указания на работе, и он выбегает. Стёпа предложил знакомое ему место, которое недалеко от его работы, и от Пятницкой улицы, где Миша всё сидел в своей машине, тоже недалеко. Миша сказал, что уже туда едет. Стёпа обещал поторопиться, сказал, что там можно будет вкусно поесть, что он уже обедал, но составит Мише компанию с радостью.

Закончив разговор со Стёпой, Миша тронулся с места. Он не мог и не хотел быть один в этот момент. Не мог и не хотел.

* * *

Миша тогда встретился со Стёпой. Стёпа был очень внимательным и разговорчивым. Они поели вместе. Стёпа жаловался на то, что никак не может восстановить свой прошлогодний вес, потому что много ест. Он жаловался, но ел свой второй за день обед с удовольствием. Миша съел суп. Они выпили по две рюмочки водки. И Мише стало легче и физически и во всех других смыслах. Говорить ему совершенно не хотелось, зато Стёпа не умолкал. Но это было так, как Мише и было нужно. Так они просидели часа полтора, а потом Миша поехал на работу. Они со Стёпой договорились созвониться и расстались.

Миша ехал на работу и был благодарен Стёпе за его участие и деликатность. За весь обед он не спросил ничего про скорбные обстоятельства, не изображал сочувствия и вообще не говорил о смерти. Стёпа весело болтал. Мише это сильно помогло.

* * *

На работе всё было совсем тихо. Миша в очередной раз подивился тому, как медленно тянется время. Ему не верилось, что он всего только недавно выходил с работы с надеждой на результат от встречи с психотерапевтом. Прошло всего ничего, и даже рабочий день ещё не закончился.

Валентина сидела на месте и читала какой-то журнал. Она обрадовалась Мишиному приходу. Через минуту после его возвращения они сидели у Миши в кабинете, и Валентина подробно докладывала обо всех новостях и о проделанной работе.

Она сказала, что с немцами Лёня повстречался удачно, что было много звонков, но ничего срочного или катастрофического не происходило. Валентина принесла с собой и положила Мише на стол две папки. Она сообщила, что это все бумаги, которые у неё есть по Петрозаводску. Миша кивнул и дал понять, что Петрозаводском он займётся позже.

Тогда Валентина рассказала Мише всё, что она сделала и узнала про организацию похорон. Она всё подробнейшим образом Мише объяснила и сказала, что много и долго всё растолковывала и согласовывала с Володей. Мише стало понятно, и он удивился, что ему практически ничего делать не нужно, что всё уже организовано и ему только надо приехать на скорбную последнюю встречу с Юлей и проводить её.

Валентина сказала, что должна была и хотела сказать. После этого она сидела и ждала вопросов или указаний.

— А какой у нас сегодня день недели? — неожиданно подумал об этом и спросил Миша.

— Среда, — ответила Валентина, будто именно этого вопроса и ждала.

— Среда, — повторил за ней Миша и покивал головой.

Он подумал о том, что давно не задавал такого вопроса.

Он последние годы каждый день знал, какой это день недели. И ещё он подумал, что на следующий день, в четверг, они Юлю похоронят, а в пятницу нужно будет прийти на работу, как всегда. В пятницу продолжится обычная жизнь. Миша не смог себе представить, как это может пойти обычная жизнь и повседневная работа. А с другой стороны, он понимал, что

никаких причин или оснований в пятницу не приходить на работу и не работать, как обычно, у него нет и быть не должно. Но он не мог себе это представить.

Миша поблагодарил Валентину за всё, сказал, что если что-то вспомнит, а точнее, забудет, то он ей позвонит и спросит. Он позволил ей идти домой.

– Я завтра наверняка не явлюсь на работу, – сказал Миша, прощаясь, – так что увидимся в пятницу.

– Простите, Михаил Андреевич, но я хотела бы завтра с Юленькой попрощаться, – сказала Валентина тихим голосом, – вы не возражаете?

– Ой, Валюша, прости, не подумал! Разумеется...

– Тогда там и встретимся. До свидания, – и Валентина вышла из Мишиного кабинета.

Миша посидел, посмотрел на листок со списком задач и проблем. Листок лежал на прежнем месте. Миша опять подумал о том, как давно, казалось ему, он писал этот список. Он смял листок и бросил его в корзину.

На часах было десять минут седьмого. Он сидел в тишине кабинета. За окном свечерело. Внутренние Мишины часы показывали существенно более позднее время. Было слышно, что Валентина ещё не покинула рабочее место и говорит по телефону. Но её голос едва доносился из-за двери. В целом было тихо. В это время суток в своём кабинете в такой тишине Миша не сидел никогда. Он в это время суток обычно мотался по городу, или говорил с кем-нибудь у себя, или вёл переговоры по телефону. И дел, которые надо было успеть непременно сделать и закончить до окончания рабочего дня, всегда было много. Начало седьмого было обычно горячим временем. А тут возникла тишина, и ничего делать было не нужно.

Миша взял в руки папки с бумагами по Петрозаводску и сразу положил их на место. Он понял, что не будет этим сейчас заниматься, потому что это никому сейчас не нужно, а ему это не нужно сейчас больше других. Он снова сидел, как днём в кафе и как после кафе в машине, и не знал, что делать. Так рано домой с работы он не уходил.

Миша посидел, подумал, взял телефон и позвонил родителям в Архангельск. Трубку взял отец. Они поговорили немного, потом он поговорил с мамой. Родители ужинали дома, было слышно, что у них громко работает телевизор. Миша не стал им говорить про Юлю. Они знали, что такая Юля в жизни их сына есть. Они даже видели её у Миши на дне рождения, когда Миша на широкую ногу отметил своё тридцатипятилетие. Родители приехали тогда в Москву. Миша их с Юлей знакомил. Но говорить он ничего не стал. Поговорил, попрощался и, как всегда в последнее время после разговора с родителями, подумал: «Стареют».

Миша ещё посидел немного, нагнул, достал из корзины смятый листок, расправил его на столе и снова перечитал. Желание выяснить причину Юлиного страшного шага никуда не исчезло. Оно стало чуть менее жгучим и удушающим, но при этом более конкретным и определённым. Миша ещё точнее понял, что только знание причины может теперь остановить поток сомнений, тревог и тяжёлых открытий. А остановить этот поток он очень хотел. «Как же всё не вовремя-то! Как всё некстати, – беззвучно бормотал он, едва шевеля губами. – Хотя, как может быть такое вовремя и к какой, к чёрту, стати...»

– Да-а-а! И что нам остаётся из данного списка? – сам себе вслух сказал Миша. – А остаётся немного...

Он решил всё же ещё порасспросить Володю и постараться завтра, если, конечно, тот будет на похоронах, поговорить с неизвестным ему Борисом Львовичем с Юлиной работы.

– Но это всё не сегодня! Не сегодня... – снова вслух сказал Миша, опять смял листок, вернул его в корзину, встал и вышел из кабинета.

– Валентина, а почему ты не уходишь? – спросил Миша, застав Валентину на рабочем месте, – ты сегодня сделала такое, что даже феям не под силу. Бросай ты всё. Езжай домой. Я вот уже еду.

– Хорош руководитель, – улыбнулась Валентина, – убивает инициативу и не поощряет рабочее рвение сотрудника. Михаил Андреевич, я закончу дела, которые сама себе наметила, и поеду домой. Завтра полдня как минимум меня здесь не будет. Без вас тут трудно, а без меня никак. Да к тому же что сейчас я поеду, что через час, доберусь до дома в одно и то же время. Самые пробки. Не привыкла я так рано ехать домой. Что я там, Мишенька, буду делать так рано в среду одна... и в четверг, и в пятницу. А пальто вы совсем помяли, придётся отпаривать. Само не разгладится.

– За те деньги, за которые я его покупал, должно разглаживаться само, – усмехнулся Миша, посмотрел в пол и покивал головой, – и само должно на пуговицы застёгиваться. Ох, и устал я... Ох, и тошно мне, Валечка, поеду я домой. А то от встречи с психотерапевтом у меня никаких сил не осталось. Ох, и зря я к нему поехал... Ох, зря.

– Зря, не зря, а уже съездил. Езжай теперь домой. И Бога ради, не ищи виноватого и себя не вини. Никто не виноват. Теперь это уже не важно. Вот поверь мне, это не важно.

– Кто-то да виноват, – тихо сказал Миша, – но это уже действительно не важно... До завтра. Поеду домой. Спасибо, Валюша! Я тебе очень благодарен! – сказал он и вышел в коридор. – Как ты сказала? Это уже не важно? Это просто необходимо узнать, Валюша! Ты просто не всё на свете понимаешь, – говорил он сам себе, спускаясь по лестнице.

* * *

Ани дома ещё не было, старшая Катя сидела в своей комнате и вырезала что-то из цветной бумаги. На Мишин вопрос про школу и уроки она, не отвлекаясь от вырезания, сказала, что всё хорошо. Сказала, как отмахнулась, дескать, тебе, папа, незачем знать подробности. Младшая Соня сидела с няней. Няня ей что-то читала. То, что Ани не было дома в такой час, – это было нормально. В это время она домой возвращалась редко. Но Мише сама ситуация показалась непривычной и странной. Он всегда приходил, когда все уже были дома и либо ждали его, либо готовились ко сну, либо уже спали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.